

Татьяна Чебатуркина

Сборник повестей



Татьяна Чебатуркина

Сборник повестей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48630340

ISBN 9785005077547

Аннотация

Все преходящее в этом мире. Забываются великие люди и исторические события, большие неприятности и мелкие обиды, невероятные нагрузки и скучные месяцы. И только, пока жив человек, вечно цветет, даже в уставшем от постоянных забот прочном сердце, память о тех волшебных, благословенных минутах исполненного счастья в объятиях любимой или любимого. Только этой мерой отпущенного тебе свыше дара каждый может измерить истинную ценность своего существования.

Содержание

| | |
|-----------------------------------|-----|
| ВОЗВРАЩЕНИЕ | 5 |
| Аннотация | 5 |
| Глава 1. Встреча | 7 |
| Глава 2. Женька | 14 |
| Глава 3. Шалаш | 21 |
| Глава 4. Воспоминания | 30 |
| Глава 5. Костя | 33 |
| Глава 6. Раздумье | 36 |
| Глава 7. Подземный ход | 40 |
| Глава 8. Дорога | 48 |
| Глава 9. Эльтон | 57 |
| Глава 10. Любовь | 65 |
| Глава 11. Клятва | 74 |
| Глава 12. День учителя | 85 |
| Глава 13. Надежда | 95 |
| Глава 14. Заволжье | 103 |
| Глава 15. Ожидание | 119 |
| Глава 16. Клад | 124 |
| Глава 17. Вера | 130 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 139 |

Сборник повестей

Татьяна Чебатуркина

Редактор Ольга Ананьева

Иллюстратор Наталья Ананьева

© Татьяна Чебатуркина, 2019

© Наталья Ананьева, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-7754-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОВЕСТЬ

Аннотация

В повести Татьяны Чебатуркиной «Возвращение» сделана попытка ответить на вопросы:

За что любят женщину?

Почему эта женщина с первых минут встречи, словно околдовала его, заслонила работавших рядом с ним в офисе женщин, которые были более молодыми, привлекательными, достаточно умными и были не прочь вступить с ним в более близкие отношения?

Вернувшийся из Германии преуспевающий бизнесмен задает эти вопросы себе, встретив подругу своего детства...

Татьяна ЧЕБАТУРКИНА

ВОЗВРАЩЕНИЕ



Глава 1. Встреча

*Нет на свете дорожке клада, чем любовь.
(Из песни)*

*Надо верить в дороги, в счастливые встречи,
Когда на миг столкнет судьба
с другой и размежит,
И ловишь жадным взором через толпы и наречья
Знакомый взгляд, и знаешь —
Вновь судьба не ублажит.*

– Не люблю август, – Саша заплела косу, повязала белую косынку, сразу стала похожей на постаревшую прихожанку на службе в церкви, дождалась старый школьный грузовик, забросила в кузов мешки, ведро, лопату и, отказавшись от протянутой руки, перемахнула через борт.

– Когда мы тебя замуж отдадим? Такая видная женщина! Хватит тебе и пахать, и сеять, и картошку копать! – на единственной шершавой лавке у кабины, нахохлившись, теснились жена завхоза, учителя – пенсионеры с женами и худенькая школьная техничка тетя Лиза.

– Сашенька, магарыч поставишь, – выкопаем твою картошку за милую душу! – оживились химик и физкультурник.

– Да вам бы только с молодыми улыбаться! Бабники! – жена химика Зинаида Ивановна скорбно поджала губы, и, если бы позволила лавка, отодвинулась от супруга.

Женщины расхохотались. Жена физкультурника, выглядевшая на десять лет моложе мужа, поправила платок:

– Сашенька, мы своих помощников к тебе направим. Пусть своей учительнице помогут, а ты с ними потом математикой позанимаешься. Магарыч им подавай!

Саша села на перевернутое ведро, сдернула косынку, подставила лицо сухому жаркому ветру.

На Ильин день погрохотало не сердито где-то в вышине, по улицам пронеслись, закручиваясь вверх, пыльные столбы без единой капли дождя.

А вокруг до самого горизонта тянулась сожженная пыльная степь, разбавленная кое-где изнемогающими от зноя пыльными лесополосами да одинокими деревьями по берегам ериков и засыхающих стариц.

День заметно укоротился, словно солнцу надоело по утрам торопиться на работу, и оно просыпало свое время, натягивая на себя тяжесть угрюмых безводных туч, но потом, спохватившись, резво карабкалось вверх по небосклону, стараясь дождечь все живое.

Машина попрыгала на глубоких трещинах разбитого асфальта мимо одноэтажных домиков, шикарных особняков местной элиты, а затем свернула к реке.

– Эх, вот так бы мчаться и мчаться бездумно вперед, оставив позади все проблемы приближающегося нового учебного года, закрутки, банки, компоты, – размечталась Саша, но машина, затормозив плавно, остановилась у домика сто-

рожа.

На плантации было многолюдно. Прошел слух, что с края у реки неизвестные выкопали делянки с картошкой, прихватив дыни и арбузы.

Здесь за селом было раздолье земли, солнца и воды.

Дома у Саши был небольшой садик с виноградником, грядки с овощами, цветник, но не хватало влаги. Поливала по ночам, но вода бежала неохотно, тоненькой струйкой.

Весь день потом Саша ходила, как чумная. Хотелось спать.

Начали засыхать от безводья яблони, орешник, привезенный из Тархан, – родины Лермонтова.

Соседние участки директора школы и завуча были уже выкопаны, на них сиротливо высились горы беспорядочно брошенной, уже увядшей ботвы.

Вздыхнув, Саша начала выворачивать из земли засохшие кусты:

– Надо копать. Хорошо, машин много – помогут довести мешки с картошкой до калитки.

«Глаза страшат, а руки делают», – плакат с этим девизом она повесила в своем кабинете математики над доской, уверовав в силу заклинания, призывавшего к деятельности и позволявшего гордиться пусть даже малыми победами над неуверенностью, безволием, бессилием.

Копала картошку весь день, с азартом выбирая из земли и наполняя пустое сначала ведро гулко бухающими клубня-

ми. Соседские мальчишки помогли докопать последние пять рядков.

Вместо отдыха побрела к реке. Присела, свесив ноги, на песчаный прогретый за день обрывистый берег. Воду кое-где почти до середины затащило ряской. Кружили сонно в воздухе первые редкие позолоченные листья с серебристых тополей. От воды вдруг потянуло прохладой. Сердце сжалось от первых намеков приближающейся осени.

– Раскисаю, – не хотелось двигаться, вообще шевелиться. – Хватит, – одернула себя, – надо радоваться, что все летние хлопоты скоро будут позади.

Быстро сдернула косынку, брюки, футболку и бухнулась с разбега в глубину.

Вода охладила разгоряченное тело. Вынырнув, Саша поплыла против довольно сильного течения на изгибе реки, отгоняя ладонями плывущие навстречу ветки с паутиной, листья и прочий мусор.

Стало так тихо и спокойно, сердце забилося ровно и, казалось, даже счастливо.

– Господи! Дай мне силы и здоровье, и возможность жить в ладу самой с собой!

Одевалась, дрожа от озноба и мокрого белья. Бегом рванула через пыльную поляну с выкошенной еще в июне травой.

Самые упорные селяне докапывали свои делянки. Машины, торопясь домой, отъезжали одна за другой, поднимая

пыльные хвосты высоко в небо.

Саша свернула на шоссе. В воскресный вечер оно было безлюдно. Пока шла по обочине на юг, солнце слабо грело правую щеку, но вот повернула на запад и вдруг утонула в солнечном пламени.

Это было нереальное волшебство: синеющее небо словно растворилось, пропало. И остался только пылающий золотой шар на дороге так близко, что казалось, – протяни руку и обожжешься, или растворишься в его глубине, в этой неге.

Саша крепко зажмурилась, потом осторожно приоткрыла глаза.



От шара по-прежнему струились живые потоки огня, причем, они добежали, дотянулись до нее, обливая с головы до ног ласковым теплом.

Саша, раскинув руки в стороны, застыла:

– Буду стоять, пока не погаснет это чудо.

Через минуту на лицо упала тень. На обочине метрах в десяти от нее остановилась машина, загородив солнце. И теперь лучи вырывались из-за нее во все стороны, точно протуберанцы, сгустки энергии от готовящегося закатиться за горизонт светила. И в этом видимом ореоле солнечного потока от машины к ней шел высокий стройный спортивного типа мужчина. Он подошел поближе. Это был Женя – взрослый, изменившийся, неожиданный Женя. Евгений Карлович Вебер.

Да, перед ней стоял загоревший («Но не на нашей жаре», – мелькнула мысль,), подтянутый («Наверное, много двигается – теннис или футбол?»), в узких джинсах, в белоснежной футболке с какими-то надписями, в белых кроссовках, с аккуратной стрижкой и зачесанным слева направо с каким-то задором неизменным чубом светлых волос («Не постарел, не растолстел, не полысел»).

Его серые прищуренные глаза под выступающими, словно нахмуренными темными бровями, смотрели растерянно, изумленно и еще непонятно как.

– Ты? – Саша резко опустила руки, представив, как она

выглядит нелепо со стороны, – лохматая, с распушенными сохнувшими на солнце волосами, обнимающая горизонт.

– Ну, здравствуй! – Женя сделал один или два шага навстречу, и она – свободная, независимая, оказалась вдруг в кольце его теплых сильных незнакомых рук. Женя прижал ее к себе, и Саша с ее ста шестидесяти тремя сантиметрами роста неожиданно уткнулась носом в вырез его футболки, не зная, куда деть руки, а потом инстинктивно, точно обороняясь, как-то неловко, с трудом оттолкнулась от широкой груди, от незнакомого запаха неизвестной туалетной воды.

– Купалась?! – полувопросительно спросил Женя, проводя неторопливо ладонью по длинным влажным прядям волос, и уже властно притянул к себе, сжал в настоящих мужских объятиях, пытаюсь согреть.

– Вид у меня только для такой встречи, – мелькнуло на мгновение, но Женя, обняв за плечи, повел ее к своей машине. Достал кожаную куртку, завернул Сашу в нее, словно маленькую девочку, шепча: – Сашенька, ты совсем не изменилась. Нет, ты изменилась – расцвела. Улыбнулась – и сразу вижу: ямочки на твоих щеках никуда не делись. Можно я тебя поцелую, – и он, не скрывая своей радости от неожиданной встречи, снова сжал ее в объятиях, нашел губы, и Саша задрожала от жгучего желания остаться в этих объятиях надолго, навсегда. Они не виделись ровно двадцать лет. И она вспомнила все...

Глава 2. Женька

*Далекая заволжская сторона —
Здесь отчий край: польнь, ковыль.
Ромашек ласковых на голове коронка,
Горячий ветер, рвущий глинистую пыль.*

...Солнце пронизывает куст ежевики. Отодвигаешь колючую ветку, приседаешь и, словно проваливаешься в другой мир: перед глазами огромная гроздь черных ягод, рядом в паутине грозно напрягшийся паучок балансирует на прозрачной ниточке....

Жесткий лист ежевичного куста щекочет ухо, пряди волос из-под косынки лезут в глаза, в бидончик с ягодой сыплются созревшие семена бурьяна. Вокруг – неумолчный шум знойного лета – звон и пение птиц, писк комаров, жужжание ос, – и несусветная жара на пригорке.

Под деревьями – тень, холодок, и не хочется двигаться дальше, но лезешь опять в полумрак нового овражка, в заросли крапивы, болотной травы, высушенного камыша.

Бидончик почти полон, но при ходьбе ягоды утрясаются, а они и слева, и справа, и под ногами – вот, что значат два вовремя выпавших в мае и июне дождя в Заволжье.

Кожушковский лес – громко сказано, – это оазис, где река Еруслан делает крутые повороты по низине и дает жизнь вековым тополям, кленам, ивам и бесконечным зарослям ку-

старников и ежевики.

А впереди после леса – еще пять километров по вытоптанной пыльной дороге через выжженную степь и полуденный зной.

...Саша рывком сбрасывает горячую потную простыню. Каждую ночь она видит обжигающие, волнующие сны – сны-воспоминания, сны-предсказания, – всегда такие явные, радостные, из глубины и тьмы которых так трудно вынырнуть в повседневную жизнь.

Из открытого окна тянет теплый летний сквознячок, подгоняя: «Скорей на улицу, на речку...»

Край неба над домами слегка побледнел. Но еще очень рано, темно и гулко, хотя звезды постепенно растворяются в вышине.

После глухоты домашней дремы звуки просыпающегося дня особенно чисты: вот на высокой сосне соседнего двора несмело прочистила горло кукушка и пошла, нежадная, обещать многие лета. Молодой петушок неумело передразнил старого петуха. Прогредел по дороге трактор с пустой тележкой.

– Живут во мне как бы часы магнитные,
Что будят с детства в утренней поре
И обреченно гонят чрез кусты раkitные
К остывшей за ночь дремлющей воде.
И видишь гаснущую тень увядшей ночи,
И торжество рожденья вспыхнувшей зари,

Туман, что осторожно гладит высохшие кочки.
И одиноко жмущиеся к хатам фонари, —

шепчет Саша, крутя педали на пустынной улице.

Поплавок не виден в трех метрах от берега, в камышах напротив — тлеющие красноватые огоньки сигарет многочисленных рыбаков. Гулко и неожиданно на середине пруда бьет хвостом сазан или большой карась, и волны, расходясь, сминают покой и раскачивают поплавки.

Зябко, мерзнут ноги в резиновых сапогах, беспокойно гудит над головой комариная стая. Но вот поплавок, нехотя дернувшись несколько раз, ложится на воду и, мгновение спустя, резко уходит в воду. Первый карась падает с крючка далеко за спиной, подальше от воды на цветочный луг, а на берегу оживают рыбаки.

— Вот, смотри, везет девчонке! Мне, что ли для приманки белый платок надеть? Сидим тут, а девчонка карасей подсекает, — но тут клев начинается у всех, и стихают пустые разговоры.

С рыбалки Саша возвращается после десяти часов, стараясь поскорее проскочить многолюдный центр села под любопытными взглядами односельчан.

«Рыбу почищу и спать». На улице — ни ветерка, зной звенит, но во дворе утки и куры — без воды, попадали в тени сарая, раскрыв судорожно клювы.

Схватила ведра — бегом к колодцу. Внизу, в глубине —

манящее зеркало воды. Старинное коромысло привычно пригнуло к земле. Нужно выпрямиться и идти гордо: тебе не жарко и не тяжело, иди прямо, осторожно, чтобы ни капли на землю не упало. Еще ходка – два ведра в бак на крыше летнего душа, еще раз сходила – поросенку, запас на кухню.

А в почтовом ящике – записка: «В пять часов – у шалаша. Новость – упадешь. Женя».

– Интересно, что за новость? Женя, Женя, – пропела Саша, сразу расхотелось спать. – Что он придумал на этот раз?

Женя Вебер – немец. Просто пришел в феврале в восьмом классе симпатичный новенький – длинная густая шевелюра светлых волос, словно давно в парикмахерской не был, чуб по-взрослому набок зачесан, глаза серые, насмешливые, подбородок широкий, волевой – такой стильный мальчик в джинсовых брюках, куртке со спортивной сумкой через плечо.

Сел на первую свободную парту прямо перед носом учительницы географии и сказал независимо:

– Я – немец. Мы приехали с Алтая. – А на перемене пересел запросто к ней, Саше, на третий ряд,

– У меня многих учебников нет. Поделишься? – Саша растерялась, молча, подвинула географию на середину. Весь день учителя, точно сговорившись, вызывали Женю к доске.

После уроков пошел рядом смело, не оглядываясь, на обалдевших одноклассников:

– Я тебя провожу. Посмотрю, где ты живешь. Три месяца

придется перебиваться без учебников.

Они вышли из школы, прошли площадь, остановились у двухэтажного дома, в котором жили Сашины бабушка и дедушка.

– Саша, если ты согласна, давай договоримся: ты делаешь уроки до шести часов вечера, а я после шести буду забирать у тебя все книжки.

– Почему я? – вертелось на языке. Спокойная уверенность новичка так поразила ее, что она, кивнув в знак согласия, чуть ли не бегом рванулась к входной двери, потом остановилась. В квартире на первом этаже жили родители отца, ветераны войны, а Саша жила далеко от школы в старом кулацком когда-то доме, но идти почти через все село рядом с незнакомым парнем – это было слишком.

Женя, развернувшись, не спеша пошел в другую сторону от школы.

Взлетев на кухню, Саша прилипла носом к окну, но Женя уже скрылся за поворотом. Щеки горели, ладони стали противно потными. Саша бросилась к умывальнику:

– Вот попала в историю. Сказала бы «Нет!» и все. Теперь каждый вечер топать до шести часов вечера километр через все село с учебниками. А если факультатив или секция?

– Иди обедать, – позвала бабушка, но от волнения аппетит пропал.

Проблема с учебниками разрешилась через неделю – расстарались учителя и старшая сестра Эмма. Целую неделю

Саша бегала к бабуле с тяжелой сумкой, радуясь, что утром в школу полетит налегке.

Женя ни о чем не догадывался. Ровно в шесть часов вечера он нажимал кнопку электрического звонка и ждал. Саша вытаскивала нужные учебники, втайне, надеясь, что Женя попросит у нее списать решенные задачи, но он, улыбаясь, складывал в большой черный портфель гору книжек, кивал: – Спасибо, – и спешил на тренировки по баскетболу.

А утром приносил учебники обратно в школу, садился рядом на эту несчастную первую парту на третьем ряду. Саша боялась осуждающих взглядов одноклассников и, особенно, подружек, но неделя пролетела так стремительно-суматошно, что было не до взглядов.

А в конце недели Женя вдруг вызвал Сашу во двор:
– Ну, так, где же ты живешь? Может, рассекретишься?

Они были примерно одного роста и оказались в такой опасной близости, точно собрались танцевать медленный танец. Женя схватил тоненькую с одними тетрадками сумочку на длинном ремешке: – Пошли.

Это был шок. Саша поняла, что влюбилась, словно сошла с ума. Она стала писать стихи.

За окном поет синица,
Звонко вторит ей капель,
Мне бы только не влюбиться,
Отсидеться, затаиться,
Как от гриппа защититься,

Заморозить в сердце хмель.
А оно, не подчиняясь,
Гонит кровь, стучит в висках,
В зеркалах, вдруг отражаясь,
Себя видишь, точно в снах.

Глава 3. Шалаш

*Один твой взгляд, здесь в зале схваченный
внезапно,*

*Мне говорит о многом – о былом,
Ведь утром свой конверт, полученный обратно,
Сжигает сердце неожиданным огнем.
И дневника истертые страницы
Под детскою доверчивой рукой,
Вдруг оживляют в памяти зарницы,
Шалаш, костер и звезды над водой.
Уже не помнишь лица и фамилии,
Но теплится в листочках грусть,
Косым дождем заплаканные линии
Напоминают: больше не вернуть
Поэзию тех первых чутких весен,
Бездумье школьных дивных вечеров,
Когда мир становился тесен,
Тянуло в шорохи задумчивых кустов...
Нет, не забыть то упоенье молодостью,
страстью,*

*Дразнящее очарованье красотой,
И слезы бурные к осеннему ненастью,
И ощущение счастья раннею весной,
И резкий взлет надежды, ожиданий,
Грусть одиночества в заброшенном саду,
Разлук нетерпеливость и прощаний,
И постоянное неверие в беду.*

– Ты надолго в Россию? – Саша согрелась в машине,

но беспокоилась, что от мокрых трусов и влажных джинсов на сидении останется неприличный след

– Приехал клад искать. Помнишь, как летом тогда полезли в колодец за кладом? – Женя уверенно вел свою шикарную импортную машину с немецкими номерами и был таким незнакомым мужчиной из другой страны, из другого мира, из чужой жизни.

Он возмужал, раздался в плечах, вырос на целую голову, голос стал грубее, изменилась прическа, но густой чуб был по-прежнему зачесан небрежно на правую сторону. И Саша после такой радостно-откровенной встречи вдруг сжалась, не зная, радоваться или огорчаться:

– Да, наш клад нас точно дожидается, – она упорно смотрела вперед на дорогу, боясь встретиться взглядом с Жениными взглядами, которые тот изредка бросал на нее, видимо, незаметно рассматривая.

– Нет, здорово, что я тебя на дороге встретил. Еду в Старую Полтавку на разведку – вдруг ты! В гости пригласишь или мы с тобой где-нибудь в кафе посидим? Помнишь шалаш на берегу? – и снова память заскользила, словно солнечный зайчик по стене, высвечивая прошедшее много лет назад.

В шалаше непривычно тесно и душно. Локоть Николая упирается Саше в ребра. Тамара прижалась спиной к Женьке и сидит красная, распаренная. Наташе не хватило места в шалаше, и она сидит на песке у входа, отодвинув марлевый

полог.

– Ты чего нас так срочно собрал? – почему-то шепотом спрашивает Колька. И Саша вдруг решает – больше я в эти игры не играю и в шалаш больше не приду.

– Жарко здесь, – вдруг глухо говорит Женька, – пошли к костру.

Место костра аккуратно заброшено землей. Уже две недели не собирались, не варили уху, – июльская жара.

– То, что я сегодня узнал – тайна. Наш сосед Иван Иванович, такой столетний дед с бородой, помог моему отцу пилить в саду старые засохшие яблони. А когда сели обедать, он выпил за знакомство и брякнул: – У старого клуба есть колодец заброшенный...

– Вода в нем соленая, и пацаны туда сдуру в прошлом году старый велосипед бросили, – вставил Колька, но девчонки на него зашикали: – Помолчи!

– Наш старый клуб – бывшая старая церковь, – продолжил Женя, – ее построили давно, до революции. Она была деревянная. А самые большие кирпичные церкви были в Харьковке и Салтово, но после революции их взорвали и растащили на кирпичи. Нашу школу в Старой Полтавке тоже из того кирпича построили.

– А колодец? – не выдержала Саша.

– У нашей церкви кресты снимали и сделали клуб, а в доме, где сейчас библиотека, жил священник. И дед клялся моему отцу, что давно, когда строили церковь, от дома

батюшки до церкви был прорыт подземный ход.

– Зачем ход? – не поняла Тамара.

– Как зачем? А вдруг враги нападут? Или воры? Раз, собрал все сокровища, и через подземелье вынес незаметно, – Колька по привычке начал размахивать руками. – А дальше?

– А дальше, – Женя сделал паузу, – в колодце спуск в подземный ход. И завтра утром мы лезем в колодец.

Солнце почти закатилось, от реки потянуло прохладой, загудели комары.

– Пошли купаться, – загорелый Николай с разбега с обрывачика нырнул в воду и появился где-то на середине Ерусалана. За ним нырнул Женька. Девчонки зашли в воду по очереди, осторожно, начали нырять, зажав росы пальцами, потом поплыли неспешно, шумно выгребая по-собачьи.

Саше очень хотелось сорвать сарафан и прыгнуть вслед за ребятами, но постеснялась выставиться перед всеми, забрела по колено, умылась.

Вечер растворился в шуме и плеске, постепенно натягивая ночную прохладу и свежесть от воды на кустарники и деревья, на высокий обрывистый противоположный берег

В селе вспыхнули уличные фонари, и на реке вдруг сделалось подозрительно сумрачно и жутко.

– Все, хватит, пошли домой! – Саша, держась за ветку, ополоснула ступни, надела шлепки, хотя почти километр нужно было идти по тропинке среди кустов.

Мальчишки, размахивая рубашками, босиком рванули

наперегонки, чтобы согреться. Девчонки, боязливо оглядываясь на шорохи, поспешили за ребятами к селу.

– Саша, – обернулся Женька, – иди сюда, что-то скажу, – они остановились, пропуская всех:

– В колодезь полезем в четыре часа, пока село спит. Девчонок не берем, ну, кроме тебя, конечно. Принеси веревки, какие есть дома, и еще нужен фонарь с закрытым стеклом.

– У нас в погребе – «Летучая мышь». Принесу, – Саша покраснела, стояла, не поднимая глаз.

– Давайте по-тихому, вдвоем, – жестко сказал Женя, – посмотрим, что к чему.

Саша, боясь проспать, на цыпочках через каждые тридцать минут подкрадывалась к настенным часам, чиркала спичку, потом ложилась в постель, дрожа от озноба ожидания, предчувствий и еще чего-то неожиданного, от которого в духоте комнаты вдруг замерзли ступни.

Согревшись, уснула и проснулась от настойчивого стука в окно: «Господи, проспала!»

– Опять на рыбалку? – заглянула в комнату проснувшаяся мама, – Одну не пущу! – но Сашин топот уже стих за дверью.

Тучи затянули весь горизонт, на западе в стороне Волги небо резко озарялось сполохами грозы.

Не выспавшиеся лица ребят белели в угрюмой тишине спящей улицы.

– Первым в колодезь полезу я, – Женя забрал веревки и фонарь. Голос звучал хрипло. – Коля меня сверху будет

подстраховывать, а ты, Саша, если кто подойдет, будешь отвлекать. Скажешь – мяч футбольный нечаянно уронили.

Они оттащили в сторону ржавый лист железа, шифер, закрывавшие остатки деревянного сруба. Сразу потянуло запахом несвежей застоявшейся воды

Женя закрепил толстый канат, который Колька взял без спроса, вокруг корявого ствола огромного тополя, выросшего рядом, бросил конец в темное отверстие. Сняв куртку, обвязался для страховки вокруг пояса бельевой веревкой.

– Ну, я пошел, – он опустил ноги в колодец, сидя, стал примерять расстояние между стенками шершавого потемневшего от времени сруба.

– Саша. Посвети, – желтый круг от фонаря осветил толстые, источенные временем бревна сосны или лиственницы.

– Костюм спортивный пропал, – вздохнул Коля, когда Женя, упираясь спиной и ногами, вися на канате, сделал первые шаги по стене, – ты смотри на бревна, там должна быть дверца или дыра. И в воду не свались!

– Саша, опусти мне сюда фонарь пониже, – скомандовал Женя, и Саша начала торопливо опускать фонарь, кашляя, – все-таки надыхалась керосинового чада.

– Стоп! Придержи фонарь! – Женин голос звучал глухо, бесцветно. – Никакой дверцы и дыры тут нет, хотя хорошо виден водораздел – снизу черная, совершенно гнилая стенка. Я сейчас попробую повернуться и посмотрю, что за спиной.

– Повернуться ему надо, а вдруг бревно на голову свалит-

сы? – заворчал Коля.

Уже совсем рассвело. Вид парка был неприглядный. Низина посреди села заросла высокими кленами, тополями и зеленела, благодаря запасам весеннего половодья, когда по улицам сюда сбегали десятки ручьев.

Колодец, вернее то, что от него осталось, стоял повыше, на отшибе, за зданием клуба. От сруба осталось венца два, не было навеса, ворота, хотя Саша помнила, что когда-то здесь висело на толстой кованой цепи ржавое ведро.

– Я тут на какой-то балке стою, – донеслось снизу, – вода вся в тине, запах-молчу, – донеслось снизу.

– Женька, давай сворачиваться, а то застукают нас тут мужики...

– Постой, – вдруг перебил Женя, – Саша, опусти фонарь пониже, а то он мне всю щеку сожжет. Ребята, тут вроде дверца! Прямоугольник из другого материала! Из доски! Топор нужен. Сейчас попробую ногой, – снизу раздались глухие удары.

– Женя, осторожнее! – крикнула Саша в какую-то нереальную жуткую тьму. Когда прибежала к колодцу, в азарте первых минут было жарко, а тут напала противная икота и нервная дрожь. Саша несколько раз глубоко вздохнула, постаралась подольше задержать дыхание, но ничего не помогло.

– Ты чего дрожишь? – Колька сплюнул. – Смотри, на Женьку фонарь не урони, а то придется его тушить.

И словно подслушав, старый фонарь вдруг закоптил черно-красным светом и потух.

– Женька, вылезай! Уже коров гонят! – Колька несколько раз дернул веревку. Саша вытащила потухший фонарь. Они с Колей попытались потянуть канат вверх, но безрезультатно. Женька был неподъемно тяжелым.

– Придется родителей звать. Твой отец дома? А мой меня прибьет за то, что канат без спроса взял, – они оба стукнулись головами, когда одновременно заглянули в глубину.

– Женья, попробуй по стенке ногами – как туда, теперь обратно!

Они следили, как Женья, подтягиваясь, как в спортзале, медленно поднимался вверх.

Вскоре он, отбросив канат, повис на срубе, охватив побелевшими пальцами шершавое бревно. Колька попытался схватить Женю за рукав, но только мешал ему. С большим напряжением, подтянувшись, Женья вылез из колодца.

Он сел прямо на землю. Адидассовский спортивный костюм был весь в грязи, особенно на рукавах и спине, из кроссовок вылилась темная жижа.

– Теперь с турника не слезу, – вдруг зло сказал Женья, – а ход в подземелье мы все-таки нашли. Здорово!

– Ты как? – спросила Саша, наклонившись и заглядывая в глаза. И тут Женья схватил ее за плечи, притянул к себе, и она, потеряв равновесие, рухнула на его колени, прямо на грязные кроссовки, в его объятия. Женька, прижав Сашу

к себе, крепко поцеловал ее в щеку.

– Дурак! – она вырвалась из его рук и, схватив лампу с закопченным стеклом и привязанной веревкой, бросилась прочь от мальчишек. Веревка, подпрыгивая, как живая, побежала за Сашей.

От неожиданного поцелуя, от непонятной обиды перехватило горло, Дрожь начала трясти все тело, словно хотела выбить какие-то другие слова.

А день уже разгулялся. Люди спешили по своим делам. Солнце начинало жечь с привычной настойчивостью. В небе снова не было ни облачка, и только неторопливо расходился молочный след от реактивного самолета.

Глава 4. Воспоминания

*Люблю степи спокойствие весеннее,
Когда она так жадно синий воздух пьет,
На вспаханной груди в взволнованном веселье
Рождение жизни бережно несет.*

*Когда она, босая, обнаженная,
Натягивает робко полотно дождя.
Когда тяжелым колосом, завороженная,
До горизонта разбегается волна.*

– В кафе, Женя, в субботу и в воскресенье свадьбы играют. Приглашаю к себе в гости. В меню: вчерашний борщ, жареная картошка, салат из помидоров, арбуз. И еще, мне нужно перетащить во двор мешки с картошкой.

– Какую картошку? Много? – не понял Женя.

– Да я с плантации шла. Весь день картошку копала.

– Одна? – Женя повернулся, покачал удивленно головой. – Плантация – это прихоть или необходимость?

Саша рассмеялась, скинула куртку:

– Вот мешки потаскаешь – узнаешь. Необходимость, конечно, но и удовольствие: все лето загорала, купалась, плавала, ныряла на просторе за селом. Там такое течение, глубина и, главное, – чистая вода. А необходимость – два мешка картошки – матери с отцом, они в дедушкину квартиру перебрались, в двухэтажный дом, теперь без огорода. Два меш-

ка – в Волгоград свекрови и дочери, один мешок – мне.

– А купить нельзя, чтобы не надрываться? Где ты живешь? Куда рулить?

Саша назвала адрес, пояснила:

– Через полгода после смерти мужа поменяла свою двухкомнатную квартиру на уютный старый домик с садом и огородом. Родители денег добавили.

Саше хотелось одного – снять влажное белье, стать под душ, надеть легкую ночную рубашку, залезть под мягкий плед и заснуть. А утром заколоть волосы, выпить чая и побежать без опоздания на августовский педсовет.

Она смотрела, как легко без напряжения Женя внес мешки во двор, сложил их под навес гаража, прислонил аккуратно к деревянному забору лопату, присел на невысокое крыльцо, с интересом рассматривая цветник, сад, виноградник. Саша вошла в дом:

– Чем его угощать? Вином собственного изготовления? Жареной картошкой? – она увидела в зеркале свое обожженное, обветренное на солнцепеке лицо, прилизанные, не расчесанные волосы, схваченные заколкой:

– Боже, на кого я похожа? – и остановилась в растерянности – себя приводить в порядок или на стол накрывать?

– Саша, иди сюда скорее! Посмотри!

Прямо из-за крыши соседнего дома на востоке в еще нетемных сумерках медленно, неторопливо поднимался нереально огромный диск Луны со всеми его морями, гора-

ми, кратерами.

– Сашенька, я такой огромной Луны в жизни не видел! – он притянул Сашу к себе, обнял за плечи:

– Давай посидим и посмотрим, какие у вас здесь в Старой Полтавке чудеса бывают!

Они сидели на теплых ступеньках деревянного крыльца, касаясь друг друга плечами, обнаженными руками, боясь, шевельнуться и спугнуть то невероятное, невозможное, незапно возникшее чувство теплоты, родства душ двух совершенно чужих людей. Они, словно привыкали друг к другу, связанные этим призрачным видением огромной Луны на постепенно темнеющем небосводе.

А диск, затаившись за крышей, через какое-то время, словно крадучись, вылез весь, целиком и покатился вверх, постепенно удаляясь от горизонта, становясь все меньше и меньше, пока не превратился в обычную Луну.

Женя встал:

– Уже поздно. Ты сегодня устала. Я поеду. Мне очень не хочется от тебя уходить. Мы с тобой еще увидимся. Спокойной ночи! – и он ушел, закрыв за собой старую калитку.

Не включая свет, Саша переоделась, упала на диван. Сил и слез не было; ушли, словно заглохли все чувства, осталась только усталость от такого долгого августовского дня.

Глава 5. Костя

Когда разбился на машине Костя, тоже был такой бесконечно суматошный день в начале августа. Она сбегала в магазин за молоком, встретила сестру с племянником на автобусной остановке. Потом чаевничала с родителями и гостями, и она запомнила, как шумно хлопнув входной дверью, Костя возник в проеме кухонной двери:

– Всем привет! Мы сегодня с ребятами ремонт в кабинете закончили. Отпускные, наконец, пришли, под вечер шашлычок на речке организуем в честь приезда родственников. А обои в зале я тебе, Саша, завтра помогу поклеить. До вечера! – и прошел через минуту под окнами кухни, помахав рукой на прощанье.

Через два дня собирался в Волгоград к матери отдохнуть и позагорать на Волге с Аннушкой.

Нужно было обдирать в зале старые обои, но в комнатах стояла несусветная жара, вода перестала идти, даже не капала из открытого крана, а тут еще зацепилась на дворе за гвоздь на заборе и выдрала клоч сарафана.

Села в тени на общей лавочке, зажав в зубах длинную нитку, чтобы не зашить память, и прямо на себе стала заштопывать дырку.

Соседка не вошла, а скорее протиснулась в калитку у лавочки:

– Тебе, Саша, не звонили из больницы?

– Не знаю, я здесь на улице сижу, на свежем воздухе.

– Сашенька, там твоего мужа привезли в больницу, всего переломанного, – авария на дороге.

Не шла, а пролетела бегом километр до больницы после звонка:

– Ваш муж в тяжелом состоянии, – и положили трубку.

В больнице было душно, хотя все окна, затянутые марлей, были открыты. Остаток дня и всю ночь она обмахивала Костю каким-то журналом, отгоняла этим же журналом мух, которые назойливо садились на марлевые повязки со следами крови, на запекшиеся губы, на закрытые веки.

А под вечер Костя пришел в себя, открыл глаза, попытался улыбнуться:

– Без меня ремонт не делай, я сам полы покрашу, – и снова ушел в себя.

Он постепенно съезжал с подушек вниз и упирался ногой в спинку кровати.

Под вечер пришли мужчины – учителя, взявшись за углы простыни, подтянули Костю повыше. Но за ночь он снова съехал вниз, и опять его ступни упирались в спинку кровати, словно он инстинктивно хотел найти точку опоры и поднять свое большое тело от жаркого потного матраса, от этих бесконечных уколов, от не проходящей боли.

Сестры меняли системы, кололи обезболивающие, заходили хирурги, терапевт, заплаканная мама, отец, в дверь за-

глядывали любопытные...

Умер Костя рано утром, не приходя в сознание. Дернулся, будто что-то хотел сказать на прощание, и вдруг вытянулся.

Прибежали медсестры, дежурный хирург. Все было кончено. И в ее жизни наступил разлом, – в тридцать лет стала вдовой.

Линия жизни на левой ладони раздвоилась – оборвалась, дальше пошла параллельно.

Глава 6. Раздумье

*Я так живу, как будто завтра – вечер,
И ночь, густая, вечная, корабль мой захлестнет,
И унесет мою любовь, мечты, надежды песни,
Покоем опущит ресницы, брови гордые вразлет.*

*Как много было прожито пустых бесплодных
весен,
Когда стремилось сердце за гусями ввысь,
Но цепи долга, беспросветность быта, зажав
в тиски,
Хватали за руки:– Пора, угомонись!*

*Я их рвала, я в путах билась постоянно,
Шагнула к людям, истину поняв.
К дорогам прикипев, друзьям не изменяла,
На жертвенный алтарь работе все отдав.*

Женя приехал через неделю, первого сентября, в пятницу на линейку у школы. Все было привычно торжественно: выпускники, первоклассники, букеты, шары. И вдруг сзади:

– С праздником, Сашенька! – и он протянул ей огромный букет белых роз. Ее семиклассники, их мамы мгновенно отреагировали —одновременно повернулись и беззастенчиво уставились на незнакомца.

– Ты завтра, в субботу свободна от уроков? – Женя слегка сжал у локтя ее руку с букетом. Саша кивнула. Было

очень шумно от музыки, голосов многолюдной толпы, дважды в год собиравшейся у школы в начале и конце года на торжественные линейки.

Женя наклонился к ее лицу, и Саша испугалась, – вдруг при всех он обнимет ее.

– Когда ты освободишься? – его волосы защекотали лоб, ухо. Сердце, точно его толкнули нечаянно, подпрыгнуло и стало неуправляемо биться болезненно часто.

– Хочешь ко мне на урок мира пойти? – Саша прижала к раскрасневшемуся лицу холодные влажные бутоны.

Женя покачал головой, улыбнулся:

– Я тебя подожду в машине. Там, – он махнул рукой в сторону школьного стадиона.

Саша растерялась, Она с кем-то здоровалась, ее обнимали бывшие выпускники, какие-то комплименты по поводу нового платья говорили коллеги-учителя, а потом вся толпа учеников хлынула по лестнице к широко распахнутой двери, радуясь пустым пока ранцам и одному единственному уроку, без домашних заданий.

И все это время Женя стоял рядом – в светлом дорогом костюме, высокий, симпатичный, но такой незнакомый и чужой.

Она немного пришла в себя только, когда после урока закрылась дверь за последним учеником.

В голове вертелись слова Ваенги: – Давай же на этот раз мы друг друга не потеряем.

Саша подошла к окну: у входа на стадион стояло несколько машин, и среди них – его, Женина.

– Чего ты стоишь? Беги к нему! Ты – молодая еще женщина. У тебя был только один мужчина – твой Костя. Но его нет вот уже пять лет. Пять лет одиночества вдвоем с дочерью, рядом с родителями, которые любят, жалеют, помогают. Но ты живешь как монашка, и гордишься собой, словно дала обет безбрачия, – Саша, вздохнув, посмотрела на шикарные розы в пластиковом ведре рядом со скромными букетами учеников.

– Тебя обожгли при встрече лучи заходящего солнца, необычность ситуации или память о детской любви? А, может быть, неожиданный поцелуй? Ты ведь рада, что он не обиделся на тебя за холод первой встречи, что он пришел сегодня именно к тебе. Ты думаешь, – а вдруг я ему совсем не нужна? Ведь у него семья – жена, дочь, – и, что ты останешься лишь одним из приятных воспоминаний на бывшей Родине, спустя столько лет...

Саша решительно подошла к BMW Жени. Он сидел, уткнувшись подбородком о скрещенные на руле руки, кивнул на место рядом с собой:

Саша послушно села, положив сжатые кулачки на колени, как примерная ученица на экзамене.

– У тебя очень красивое платье. Тебе говорили, что ты похожа на «Незнакомку» Крамского? Но ты не такая, как эта высокомерная гордячка. Да, у тебя такие же чувствен-

ные губы, нос, брови взлет, такой же упрямый подбородок. Но глаза другие – серьезные, зеленые, как у кошки. И умный лоб с копной роскошных волос, а овал лица у тебя тоньше, нежнее, Ты – живая, без позы, без желания кого-то удивить, поразить. Я тебя такой запомнил и очень рад, что ты не изменилась!

Он накрыл своей ладонью ее напряженные кулачки:

– Ты была на Эльтоне?

– Да, с учениками на экскурсии, – Саше захотелось вдруг, чтобы он сжал ее вздрагивающие коленки, плечи, все тело. Желание было таким сильным, что она испугалась, что сама бросится на шею.

– Предлагаю поехать на озеро Эльтон. Да, просто на три дня уехать в другой район, в другую эпоху, где нас никто не знает. На самое дно бывшего древнего моря. И ты познакомишь с историей родного края еще одного послушного ученика – меня. Согласна?

Саша молчала.

– Я хочу, чтобы ты привыкла ко мне. Поедем! Ты – мой аленький цветочек, выросший на земле моих предков в этом забытом богом краю! – он поцеловал по очереди, обе ладошки. – Поехали!

Глава 7. Подземный ход

– Кто подвигнет тебя к небесам? – Только сам!

– Кто низвергнет тебя с высоты? – Только ты!

– Где куются ключи к твоей горькой судьбе? –

Лишь в тебе!

– Чем рассчитаешься ты за проигранный бой? –

Лишь собой.

(Неизвестный автор)

Как это было давно, в другой жизни, но почему так зримо, осязаемо она помнила каждую минуту того незабываемого существования? Наверное, это особенность юности – впитывать новизну перемен каждой частичкой души, словно камерой на память, записывая каждый жест, каждое слово, каждое мгновение.

Саша помнила....

В почтовом ящике на другой день лежала записка:

– Вечером на танцплощадке в восемь часов. Есть разговор. Женя

На секунду она представила вдруг, как они с Женькой танцуют медленный танец, и, покраснев, запела:

– Женя, Женечка, какое ласковое имя.

Танцплощадка была единственным местом, где по вечерам у старинной деревянной эстрады топтались на бетонном полу влюбленные пары, а остальные с нескрываемым инте-

ресом обсуждали последние новости села.

Свет фонаря освещал только танцующих, а вокруг были спасительная тьма, независимость, свобода передвижения и обычные деревянные скамейки без спинок

Женя с Колькой сидели на самой дальней лавочке:

– Там, в колодце точно дверца, но спускаться по канату очень трудно. Сейчас пойдем ко мне и сделаем веревочную лестницу – трап, как на корабле. Время еще есть.

– Разрешите вас пригласить, – белобрысый высокий солдат в выгоревшей на беспощадном солнце форме с какими-то нагрудными значками жестко схватил Сашу за руку, – нас к вам на уборку прислали с армейскими самосвалами.

От неожиданности Саша, растерявшись, покорно пошла за солдатом на освещенный пятачок.

Был медленный танец, и парень по-хозяйски, не отпуская ладонь, прижал Сашу плотно к себе. Она любила танцевать, с первого класса ходила в Дом школьников на занятия хореографического кружка, но сейчас она, прижав локти к груди, просто переступала в жарком объятии незнакомца.

– Какая у вас шикарная река! Мы до вас были в Астраханской области, так там, не то, чтобы искупаться, – пить нечего, вода привозная, – он еще что-то рассказывал, щекоча словами ухо, а она молила, чтобы скорее кончилась музыка.

Через вечность танец закончился, но парень крепко держал за руку, не собираясь расставаться. И тут Саша бесцеремонно вырвалась и скрылась в спасительной темноте. Ребята

нигде не было.

Она видела, как солдат расспрашивал девчонок, пропустил быстрый танец, сделал несколько кругов по танцплощадке. Саша рванула домой.

Утром пришла к колодцу раньше всех привязала к тополию веревку с фонарем и стала ждать.

Первым появился Колька:

– Чего это ты вчера рысью за солдатиком побежала? Он тебя тоже в Белоруссию увезет? – Коля присел на пригорке.

– С ума сошел что ли? Какая Белоруссия? Вы лестницу сделали?

Колька обиженно засопел:

– Всю ночь лестницу делали и в колодце без тебя как-нибудь обойдемся. Женька вчера здорово разозлился.

И тут появился Женья, молча, размотал на пыльной дороге лестницу из веревок.

– Зажигайте фонарь, – приказал он, пробуя упругость веревок, – светите, – и полез вниз.

– Топор опускайте, – удары топором по предполагаемой дверце были глухими.

– Женька! Руби, не жалея! Давай я залезу – помогу, – Колька лег на землю, заглядывая вниз.

– Ребята! Дыру проломил ногой! Гнилые доски рассыпались на куски.

– Ура! – заорал Колька. – Подземный ход нашли!

– Я в дыру полезу с фонарем. Если веревка натянется, от-

вяжите от дерева.

Расчистив проем, он боком протиснулся, держа фонарь перед собой, и внизу стало полутемно.

– Я полезу, – вдруг сказала Саша, – а ты, в случае чего, беги к моему отцу в военкомат, он сегодня дежурит.

Колька не успел удивиться, когда Саша перемахнула ногу через остов колодца и начала медленно спускаться по лестнице в полной темноте. Было жутковато. Ладонью попробовала осклизлое холодное дерево стенки колодца.

– Жень, ты где? – голос звучал глухо в то же время беспокойно громко. – Жень, подожди меня. Она судорожно шарил ладонью по стенке, стоя на последней ступеньке лестницы.

Дыра оказалась на уровне груди, пришлось подняться вверх на две ступени. Ноги дрожали с непривычки. С трудом встала на одно колено, не отпуская спасительной лестницы, потом легла медленно на живот, отпустила лестницу, поползла на коленях вперед.

– Жень! – она закричала таким отчаянным голосом, что впереди засветился фонарь.

– Зачем полезла? И говори тише. Видишь, какие здесь крепления гнилые.

Он держал фонарь на уровне груди, согнувшись почти пополам. Вместо потолка сверху лежали древние дряхлые доски где-то на уровне двух метров с такими же гнилыми подпорками. Шириной проход был метра полтора, стены – по-

темневшая глина, под ногами – песок. Воздух – тяжелый, влажный, без всякой вентиляции.

– Пойдем обратно, Женечка! Если рухнет, то будет братская могила, – Саша схватила его за рукав. – Ну, пожалуйста!

– Сиди здесь с края, а я определяю по компасу направление хода и пройду несколько метров. Жди, – и он, с трудом развернувшись в узком туннеле, унес лампу, и сразу стало темно.

Потом глаза пригляделись, – слабый свет теперь попадал из колодца, – сверху рассветало.

– Сашка! Вы там живые?

И в этот момент в темноте, куда ушел Женя, послышался треск не выдержавших тяжесть земли подпорок. До Саши долетела пыльная волна.

Она высунула голову в дыру и закричала не своим голосом:

– Колька, беги за моим отцом! Обвал! – сорвав теплую куртку, полезла вперед, вытянув руки, ничего не видя, словно слепая, повторяя: – Женя, Женечка.

Оставшийся воздух был забит пылью, дышать становилось все труднее. Шагов через пять она услышала Женькин шепот: – Саша, я здесь. Меня слегка присыпало.

– Сейчас, Женечка, сейчас, – она стала разгребать руками жесткую с комками землю, задыхаясь и плача невидимыми слезами

– Саша, протяни руку вперед, – Женькина рука оказалась

рядом. В жутком мраке этого подземного коридора она наткнулась другой рукой до потухшей лампы, потом сдвинула в сторону кусок доски и нащупала Женькин кроссовок

– Ты можешь двигаться? – она стала отгребать землю с ноги, постоянно чихая от поднявшейся пыли

– Саша, давай к выходу! Меня по голове доской ударило – отверстие впереди было светлым пятном, вдруг пятно погасло.

– Саша! Вы где? – в лицо ей резко брызнул слепящий свет большого электрического фонарика, и Саша услышала голос отца.

– Папа! Папочка! Свети, пожалуйста, мы здесь! – и она, поднявшись с колен, ослепленная, рванулась навстречу родному голосу.

– Папа, там Женя! Его присыпало.

Отец, стоя на их же лестнице, перевязал Сашу широкими ремнями на поясе и подмышками, крикнул вверх: – Ребята, тяните потихонечку, – и через несколько секунд Сашу извлекли из колодца два огромных дядьки в брезентовых пожарных робах.

Вскоре подняли из колодца Женю. Он был бледен, на голове запеклась присыпанная землей кровь. Вскоре приехала «Скорая» и увезла Женю с сотрясением мозга.

Вокруг колодца собралась небольшая толпа любопытных. Подоспевшие милиционер и председатель сельсовета начали уговаривать всех разойтись.

– Пойдем домой. Идти можешь? – отец отвел ее к бабушке и дедушке и заторопился на прерванное дежурство в военкомат, отряхивая пыль с черных форменных брюк.

Саша, сидя на диване, вспомнив все происшедшее, обрадовалась и ужаснулась, – им крупно повезло. Пройди Женя еще один или два метра, его засыпало бы насмерть.

Коля был главным героем – спасателем и досмотрел все действия до конца.

Через час председатель сельсовета пригнал машину с землей, рабочие со стройки сдернули гнилые бревна вниз, аккуратно засыпали колодец землей. Сверху для перестраховки положили большую бетонную плиту.

Сашу посадили под домашний арест: никаких рыбалок, шалашей, купаться на речку – только с родителями, и, вообще, ни шагу со двора. И она оказалась наедине с книгами. Это было время книжного запоя.

Библиотека располагалась в старинном особняке, бывшем поповском доме. Построенное больше ста лет назад, из-за нехватки денег или просто руки не дошли, оно так и осталось стоять без изменений и внутри и снаружи: огромный деревянный пятистенки, как говорили раньше. На почти двухметровом беленном фундаменте из красного кирпича, с множеством окон, двумя выходами, – парадным, где сделанные из выдержанных сосновых досок ступени только слегка стерлись, и задним, из пристройки, где когда-то была кухня.

В здании сохранились голландки, отапливаемые углем и дровами. И только кровельное железо на крыше заменили шифером.

В семье любили читать все: бабушка – русскую классику, дедушка с папой – исторические и приключенческие романы, мама – Драйзера, Голсуорси, Стендаля, новинки журналов «Юность», «Нева», «Огонек».

Саша уже давно украдкой читала книжки из взрослой библиотеки, правда, было два громких разоблачения, когда застали за чтением «Алой буквы» и «Синего шихана», но потом мама смирилась. Наиболее «опасные», на ее взгляд книги, она просто забирала на работу, хотя в должности старшей операционной сестры в больнице ей было не до книг.

Саша запоем стала читать Джека Лондона, Вальтера Скотта, Жюль Верна.

Записки в почтовом ящике больше не появлялись.

В августе Сашу отправили в ссылку – в областной лагерь актива.

Глава 8. Дорога

*Степь. Утро. Август. И я жду машину,
Стою у истока рожденья дорог.
Светлеет небо сквозь тенистую вершину —
Безжалостное солнце вышло на порог.*

*Там, за чертою, где-то – боль, обиды, люди,
А здесь – полынный, горький, незнакомый дух.
Тепло песка и пыли, и дорога – мне не судьи,
Ловлю лишь говор проводов на слух.*

*Столбы, столбы, мы землю застолбили.
Изрезали дорогами, тропинками, шоссе —
Дороги, словно из корзинки обронили,
Поспешино раскатав на солнечном ковре.*

*Какой-то час, и побегут машины,
Повиснет пыль, как осенью туман,
И прочно станет мир, забыв вчерашние ушибы,
И разлетится ночи таинственный дурман.*

*Засуетится жизнь, забьется, заторопит,
Закрутит новый день из разговоров и бумаг,
Когда ты вечно нужен всем или кому-то,
Доказываешь, споришь и, устав, —
не признаешься,
Газету ешь глазами, на бегу,
Детей не видишь, телефон не отключаешь....
И вдруг – твой ранний час в степи, в лесу...*

*Не веришь. И молчишь. И слушаешь.
С утра – такая неземная тишина.*

...Решено! Через час я за тобой заеду. Успеешь собраться?

Саша кивнула, вылезла из машины и пошла, не оглядываясь, со своими роскошными букетами через футбольное поле.

Пятиклашки в нарядных белых рубашках самозабвенно гоняли мяч, сбросив ранцы, пиджачки, куртки в большую живописную кучу возле футбольных ворот.

Сборы у Саши заняли мало времени. На три дня, значит: ночную рубашку, халат, белье, купальник, теплую куртку, кроссовки, – и так по мелочи набралась полная спортивная сумка. Оделась в дорогу по погоде: открытый сарафан, широкополая шляпа, очки. Да, деньги. Саша достала из кошелька и пересчитала купюры. Не густо. Хорошо, что дали зарплату без задержки в канун нового учебного года. Деньги – это независимость, чувство уверенности и спокойствия. Самое главное – на гостиницу и столовую хватит.

Сложила в пакет, на всякий случай, кое-что из продуктов: конфеты, печенье, яблоки.

Она срезала гроздья винограда, когда вошел Женя:
– Собралась? – он по-хозяйски забрал сумку, пакет. – Поехали.

– А мои ученики просились завтра в поход, на речку, – Саша в нерешительности остановилась у калитки.

– Никуда твои ученики не денутся. У них впереди годы, – обняв за плечи свободной рукой, Женя буквально вытащил ее со двора, тщательно закрыв калитку на железную щеколду.

Машину Женя вел классно, вовремя тормозил на побитом асфальте, объезжая опасные трещины и ямы, резко сбавлял скорость на поворотах.

Солнце слепило глаза по-летнему зло и непримиримо, пришлось надеть очки.

– Почему Эльтон? – не выдержала Саша.

– Ага, заговорила первая! – засмеялся Женя. – Вот, посмотри, пока будем ехать до Палласовки. Мой личный дневник, – и он достал из сумки общую тетрадь в черной кожаной обложке.

– Не надо, – Саша отодвинула тетрадь, та упала на коврик.

Женя, молча, протянул книжечку Муравьева «Дорогами российских провинций», положил Саше на колени. – Прочитаешь потом.

Женя иногда, отвлекаясь от дороги, смотрел на Сашу мельком, словно хотел что-то сказать, но молчал, и каждый раз от его взгляда она хотела приказать холодно: – Останови машину, но лишь независимо поворачивала голову к боковому стеклу, бездумно глядя на мелькающие столбы электропередач вдаль по ровной линии горизонта, сменяющие-

ся картины выжженной степи и убранных прямоугольников полей, редких или наоборот заросших лесополос.

Параллельно шоссе по высокой насыпи железнодорожного полотна иногда проносились небольшие, словно игрушечные, вагоны редких пассажирских поездов, тянулись, застывая на запасных путях разъездов, длиннющие товарники.

По дороге навстречу пылили на больших скоростях груженные арбузами, томатами, дынями самосвалы с прицепами, добывая и без того изношенный асфальт.

– Ни одна машина нас пока не обогнала, – Саша подняла с коврика тетрадь, положила рядом:

– А ты шлепки или тапочки резиновые взял?

Женя посмотрел вопросительно

– Там, на озере – совершенно марсианский пейзаж: выжженная степь с небольшой возвышенностью, где-то на шестьдесят восемь метров выше уровня моря, а само озеро на пятнадцать метров ниже уровня моря. Так, называемая гора Улаган, соляной купол, покрытый песком, щебнем, вперемежку с солью. И постоянно дующий горячий ветер. И колючее от кристаллов соли скользкое дно озера. Без шлепок нельзя.

Саша рассмеялась:

– Мы были в июне. Уровень воды кое-где был сантиметров тридцать, а сейчас после засушливого лета будем бродить по щиколотку. Эльтон – начало или окончание твоего путешествия?

– Все будет зависеть от тебя, – Женя свернул на обочину. Притормозил на развилке дорог. – В Палласовку будем заезжать?

– Конечно! Давай прямо к вокзалу. Там памятник Палласу. Здесь почти все улицы идут параллельно железной дороге. Нужно еще воды купить чистой, а то после купания в озере все тело коркой соли покроется.

Напротив старинного здания вокзала, с толпившимися возле автобусов пассажирами, среди незамысловатых клумб возвышалась на высоком постаменте скульптура Палласа возле вьючной лошади с надписью: «Географическая экспедиция во главе с П. С. Палласом – академиком Российской императорской Академии в 1773 году исследовала район озер Эльтон, Баскунчак. Станция Палласовка названа именем П.С.Палласа в 1907 году».

По мосту пересекли широкий обмелевший Торгун, свернули с шоссе возле поста ГАИ на узкую асфальтированную полосу.

Дорога пошла под уклон, вскоре закончились пахотные земли с лесополосами, зной усилился, хотя в машине с кондиционером было комфортно.

Все чаще дорогу стали перебегать суслики и хомяки в пятнистых шубках, застывали на обочине, присев на задних лапках и поворачивая потешные мордочки вслед машине.

По пыльной выбитой дороге

Обоз чумацкий медленно плывет,
Озер соленых сатанинское снадобье
Чувалы полные везет

Дорога (чтобы ей издохнуть)
До края света скоро доведет,
И от жары вдруг начинаешь gloхнуть,
И город сказочный у озера встает.

Танцуют девушки в причудливой одежде,
Звенит цепями верблюдов караван...
Протрешь глаза – лишь степь, как прежде,
Минута – и вновь призрачного облака обман.

И так весь день. Люди устали,
Молят:– Ну, хоть бы ветерка чуток!
Но, распластав концы горячей шали,
В полнеба машет солнца огненный платок...
Это было как наваждение.

Вдруг в голове прокручивалась строчка слов, потом другая, и начинался поиск рифмы, такой волнующий, заманчивый, тревожный и обманчиво-легкий, на первый взгляд. Она хватала ручку, листок, записывала свои стихотворные выбросы. Это случалось все чаще. Саше нравилось все, что она записывала на бумаге, пока в руки не попал томик стихотворений Фета. Эти стихи звучали музыкой: каждая строчка была объемной, посвященной именно ей, Саше, близким

современным человеком. Она хотела порвать свои тетрадки, но пожалела.

Строчки приходили, напоминали о себе, особенно, когда было одиноко, безнадежно грустно, когда думала о Жене.

Женя не пришел на линейку первого сентября тогда, двадцать один год назад.

Девятиклассников из нескольких классов, целую толпу загоревших, отдохнувших за время каникул, пытались расставить на определенные места классные руководители, но все незаметно перемещались, делились новостями, откровенно игнорируя расписанный ритуал линейки. Но Жени среди них не было.

На перемене Саша сама подошла к Николаю:

– А где твой друг? Проспал, что ли?

Коля торопился в столовую:

– Здравствуйте! С Луны свалилась! Это ты у нас – спящая красавица! Женькин отец получил большой дом в совхозе, и Женька теперь будет учиться в Верхнем Еруслане. Школа у них маленькая, еще до революции построенная, бывший дом пастора. У них в девятом классе всего семь человек. Мы с парнями к Женьке на велосипедах ездили, с девчонками верхнеерусланскими познакомились.

Представляешь, у них каждый вечер на мосту, ну, этот старинный железный мост через Еруслан, так вот там танцы. Мы сегодня вечером поедem. Помчались в столовую, а то все остынет, – и Колька побежал по лестнице догонять од-

ноклассников

Саша ушла с уроков, закрылась в доме, разделась, легла на диван. Щеки горели, наверное, кто-то ругал или вспоминал. Вскочила, оделась, выскочила за калитку:

– Ну и пожалуйста, – она вдруг поняла, что этим летом что-то изменилось в ее жизни, изменилась она сама потому, что появился Женя.

И все время она ждала встречи с ним. Ждала днем, когда все были на работе, стука в окно. Шла в центр, в магазин за хлебом, оглядывалась, – вдруг выехал из переулка на их улицу и ставит свой велосипед у Колькиного забора. Вечером, на лавочке с книгой, смотрела вдаль пустынной улицы, не перевернув ни одной страницы.

Саша натянула купальник, сарафан, хотя в сентябре лезли в речку с бреднем только подвыпившие мужики.

Это объятие там, в сыром полумраке возле колодца, ужас потери в пыльном обвале подземелья, крепкие Женькины руки, шершавые губы – неужели больше ничего не будет? «Все начинается в детстве», – сказал поэт, но как обидно, когда детство заканчивается так быстро.

На речке было пустынно, даже как-то отчужденно. Проломились через кустарник две отставшие от стада коровы, тяжело дыша и обмахиваясь длинными метелками хвостов, шумно пили воду в тине у берега и ушли неторопливо по тропинке вверх, важные и довольные.

Шалаш был разрушен, колья от костра валялись у самой

воды.

– Лето кончилось, – Саша шла по теплому песку, злясь на себя, на сломанный шалаш, на этот такой обидно неприкаянный и одинокий день.

Дома взяла чистую тетрадь, написала «Счастье»:

Заголубело небо по-весеннему,
И высветилась вдруг вершина
Несуществующей горы...

Дальше рифма не шла. Оставила страницу, написала дальше:

Любовь – разбег, полет, стремленье,
Как с кручи летом над рекой,
Туда, где убаюкивающий заговор воды и теней,
И ты, отмеченный судьбой.

Пришли с работы папа с мамой, обсуждая громко какие-то проблемы, ответила им что-то невпопад и ушла в свою комнату делать уроки. Продолжать жить без Жени.

Глава 9. Эльтон

*Ты унеси, закатный ветер, мою печаль, года,
седины,*

*И мудрость, накипевшую на дне души моей
усталой.*

*Пусть растворятся в зареве закатном болезни
и печаль,*

Что паутиной душу оплели и рвут на части.

Как дуновенье теплое, пошли рассветный ветер,

Мне поцелуй, горячий, жадный, и образ дорогой,

*С которым вижушь только в сновиденьях
по ночам.*

*Дождем лучистым расплескай из светлой
тучки,*

Хотя б пригоршни две добра и милосердия,

*Чтоб напоить сердца бездонные, тревогой
перевитые,*

Живой водой надежды, веры и любви.

Ты принеси, весенний ветер, на краешке крыла

Любви предчувствие и ожиданье счастья,

Иль подхвати меня и унеси на солнце,

*Чтобы лучом, сверкнув, пролиться капелькой
тепла,*

Дать жизнь живому, и темноту на миг зажечь.

— Саша, ты спишь? — Женя провел ладонью по плечу,
по обнаженной руке до локтя.

— Нет, вспоминаю, — она снова закрыла глаза под темными

очками, продолжая мечтать в уютном кресле дорогой иномарки.

– Смотри, озеро! – Женя съехал с асфальта на твердо укатанную грунтовую дорогу.

Сначала вдалеке сверкнула ярким бликом гладь большого зеркала, машина покатила вниз, и, наконец появилась во всей красе ровная, как лист алюминиевой фольги, поверхность озера, слившаяся с таким же серовато-выгоревшим бесконечным небом.

Женя достал фотоаппарат. Подъехав ближе, заметили, как безразличный слепящий вид воды стал вдруг приобретать живой, но какой-то опасный красноватый цвет.

Вышли из машины, метров десять шли, словно по заснеженному с розоватыми сугробами, берегу. Озеро дышало, волны накатывались, как морской прибой, нежно, успокаивающе; в воздухе запахло химическими соединениями.

Солнце было еще высоко, в зените, и было непонятно, то ли небо отражается в озере, то ли озерная ширь до самого горизонта отразилась в небе: высокие перистые облака плыли и в озере, и в небе.

– Сашенька, – Женя поднял соленую нетающую узорную снежинку, по-мальчишески непосредственно лизнул ее, сплюнул, – давай заедем в поселок, договоримся с ночевкой, а потом вернемся и искупаемся в этом мертвом море.

Мальчик на велосипеде, не останавливаясь, на вопрос, где санаторий, махнул в сторону старинной водонапорной баш-

ни из красного кирпича, которая вблизи удивила своими размерами, необычной конструкцией, и которая точно помнила гудки паровозов более ста лет назад.

На привокзальной площади под деревянным навесом местные жители продавали многочисленные сувениры.

В основном здании санатория пожилая медсестра с явным удивлением посмотрела на заграничный паспорт Жени и убежала за дежурным врачом.

– Мы бы хотели на три дня остановиться у вас, Нет, нет, никакого лечения нам не нужно. Я специально приехал на экскурсию по местам экспедиции моего дальнего родственника Петра Симона Палласа, Нам нужен отдельный комфортабельный номер на двоих, – взяв Сашу под руку, он крепко прижал ее локоть к себе.

– Чтобы не вырвалась и не убежала, – подумала Саша, оглядывая довольно скромное убранство фойе, отличающееся от обычной больницы ковром на полу и видами озера на стенах.

– У нас есть прекрасный домик во дворе со всеми удобствами. Там вас никто не побеспокоит. На дикие ванны дважды в день отдыхающих возит автобус. В трех километрах от санатория есть источник с минеральной водой. Можно взять напрокат велосипеды, – немолодой уже дежурный врач махнул рукой в сторону окна. – У нас во дворе – прекрасное кафе, вечером – танцы. Добро пожаловать! Вы оставьте паспорта для оформления и пойдемте, я покажу ваш домик.

– Сходим в кафе, пообедаем и сразу же на озеро, – как только за доктором закрылась дверь, Женя, притянув Сашу к себе, крепко сжал в объятиях:

– Устала? Пойду, принесу наши вещи.

Нереальность происходящего с утра этого ненормального первого сентября оглушила, отсекала все разумные рассудительные доводы.

– Дальний родственник Петра Симона Палласа, Саша сначала улыбнулась, потом вся несуразность этой фразы заставила ее расхохотаться во весь голос, – дальний родственник.

Этот смех был на грани истерики, когда Женя, поставив сумки на ковер, опять схватил ее за плечи непривычно властно и стал гладить по плечам, спине, лаская и успокаивая, как кошку.

Саша перестала смеяться, затихла, потом вырвалась:

– Все, хочу в соленое озеро! Нервы надо лечить!

Озеро совсем обмелело. Они брели, скользя, оступаясь, по острым кристаллам на дне, держась за руки, почти километр, пока горячая вода не стала достигать колен, и можно было, лежа на животе, на ладонях, или на спине, почувствовать необычность купания, когда спина или грудь поочередно оставались сухими, а трещины на пятках зажгло, как при ожоге.

Потом они опять брели к горизонту, надеясь увидеть противоположный берег, но, поняв безнадежность своей затеи – поплавать в соленой воде, – вдруг почувствовали такую от-

даленность от людей, словно попали на необитаемый остров, и начали неистово целоваться.

Небо стало постепенно темнеть, солнце приобрело совершенную форму шара, и настал момент, когда на закате засверкали, соприкоснувшись на линии горизонта, сразу два солнца: одно – на небе, другое – в воде.

Саша вырвалась из Жениных объятий и, схватив его за руку, чувствуя его силу, потащила назад, к белоснежной полоске берега, держа на весу бесполезные шлепки:

– Я ослепла сегодня от солнца. Глаза закрываю, – и снова вижу блески этого сверкающего озера. Смотри! – и она показала на, словно зимний обледеневший, забор из неровных свай у берега.

И опять, исколов спины, они легли в вырытые искусственно ямы с приторно-теплой водой – в дикие ванны.

– Я хочу тебя! – Женя притянул ее за обе руки к себе. – Хочу с первой минуты, как увидел на дороге. Поехали в наш домик.

– С ума сошел! – словно оба надышались разгоряченными парами этого необычного озера. – Поехали.

Женя потянул Сашу к берегу, потом по сухим кристаллам – к машине. Целуя соленые плечи, щеки, волосы, поливал из пятилитровой бутылки пресной водой на сразу озябшее тело, смывая соль ладонью с груди, бедер, завернул в большое жесткое полотенце, помог сесть в машину. Надел только брюки, покидав все вещи в багажник без пакетов.

По дороге ехали молча. Молча, ни на кого не глядя, прошли по асфальтированной дорожке.

Женя сразу включил напольный вентилятор, снова сжал плечи, нашел губы, сдернул купальник, не отпуская от себя ни на шаг.

И Саша нырнула в эти волны чувственности совершенно чужого мужчины, утопая в его нежных прикосновениях, уступая силе его желания. Тело сначала затвердело от смущения. А потом стало податливым от поцелуев, стало требовать большей нежности, близости, самой большой близости.

Саша несмело провела ладонью по жестким от соли вихрам, затем выгнула грудь навстречу губам, ладоням, сильному телу.

Когда все кончилось вершиной неземного взлета, и Женя лежал рядом с закрытыми глазами, она, пошарив у изголовья, вытащила горячую простыню и натянула на живот и ноги.

– Поспи немного, – Женя чмокнул во влажную ключицу.

В комнате от темных занавешенных шторами окон пробивались на пол тонкие лучики от вспыхнувшего на улице фонаря.

Лопasti вентилятора, поворачиваясь вокруг оси, гнали горячий воздух. Было жарко. Саша, задремав, уплыла на этих волнах.

Очнулась снова от горячих губ, ладоней, и опять упала в полусознательную дрему. И было не стыдно от влаги, выли-

вавшейся на гостиничную простыню, от откровенного мужского взгляда, вседозволенности чужих рук.

– Люблю, люблю, люблю, – прошептал Женя уже глубокой ночью, когда протяжно позвал в дорогу пассажиров гудок тепловоза на железнодорожной станции.

Под окном с шумом прошли отдыхающие санатория, возвращаясь с закончившихся танцев.

Саша заснула, тесно прижавшись к обжигающему телу.

Проснулись ночью почти одновременно и снова утонули друг в друге...

– Господи, как я днем ему в глаза посмотрю – распутная женщина, – эта мысль мелькнула на миг, когда Женя укутал ее легким тканевым одеялом, чмокнул в щеку, повернулся к ней голой спиной.

Она проснулась засветло. Стараясь не шелестеть пластиковым пакетом, достала и надела ночную рубашку, закуталась в теплый плед, с ногами залезла в глубокую нишу широкого мягкого кресла, стараясь не поворачивать голову в сторону кровати, где спал Женя.

Сейчас, утром казалось нереальным, словно приснилось в эту жаркую ночь то, что произошло вчера так стремительно, неудержимо, этот реальный взрыв неистовости их слияния после размеренности дороги, томительного молчания, внешне душевного спокойствия в течение почти целого дня. И Женя, вдруг ставший таким близким, ближе не бывает, – все это заставило Сашу покраснеть. И это «люблю» среди

ночи. А скоро рассвет. И как в «Бегущей по волнам» Александра Грина: – Я знал, что утром увижу другой город – город, как он есть, отличный от того, какой вижу сейчас.

И что будет завтра? Послезавтра? Через месяц?

– Иди ко мне, – позвал негромко Женя, и она скользнула в его крепкие объятия, не думая больше о завтрашнем дне, желая только, чтобы не кончались эти минуты абсолютного счастья.

Глава 10. Любовь

*Мучительно это – и видеть, и слышать,
И воздухом рядом дышать,
И взгляд твой, внимательный, ласковый,
жаждущий,
Улыбкой беспечной отваги лишать.
Как в юности, вздрагивать от прикосновенья,
Года прощумевшие проклинать,
Весну прославляя, лететь над землей
в нетерпенье,
С тоской ожидая осеннюю хлябь.
Когда обессилено сердце затихнет
И глухо в урюмом саду в такт шагам застучит,
Где лист, опечаленный, тихо кружится,
Волной накрывая промерзший грани.*

Они встречали рассвет, сидя на одеяле, на вершине горы Улаган, закутавшись в куртки, обнявшись.

Солнце долго выбиралось из-под по-осеннему нависшей синевы, дул прерывистый, с паузами теплый ветер.



Саша молчала. Вот здесь, на пологом распадке древней горы, когда-то бывшей дном доисторического моря, усеянной камнями с отпечатками древнейших раковин и растений, она поняла, что любит этого большого ласкового незнакомца больше всех на свете.

Здесь, за сотню километров от дома, она ни разу не вспомнила о дочери, родителях, будто какая-то неведомая сила напрочь стерла память, оставив только страсть к этому человеку, который за день и ночь перевернул ее такое привычное существование, человеку, ставшему невероятно дорогим, до невозможности необходимым.

Свинцовые тучи, наползая с севера, грозили грянуть проливным дождем. Выжженная степь, точно нахохлилась, приготовившись принять капли драгоценной пресной воды. Озеро застыло, сделалось неживым – с темно-синим оттенком предгрозового неба на воде.

Но ветер, который привычно дует здесь, не переставая весь год, расторопно угнал стадо облаков на юго-запад, к Волге, и они, радуясь, покинули печальный заброшенный, высушенный вечным безводьем край.

Солнце, извиняясь, проворно покатило к зениту, снова зажигая миллионы сверкающих граней природных кристаллов, и расколдованное озеро на глазах зашелестело тяжелыми солеными волнами, постепенно меняя стальной оттенок на живое розоватое свечение.

– Что же ты все время молчишь, моя девочка? – Женя плотнее обнял плечи. – Не замерзла?

– Я счастлива, – она положила его левую руку на свои согнутые колени; оказавшись в кольце его рук, еще теснее прижалась к теплой груди.

– Саша, я в разводе. Моя бывшая жена вышла замуж и с моей дочерью уехала в Израиль, – Женя хотел рассказать о себе еще в первую встречу, но что-то удержало его: может, ее молчаливость, изучающий, очень серьезный взгляд исподлобья.

«Она изменилась, стала старше, взрослее. Но как расцвела!» – подумал Женя.

– Я ведь приехал в Россию навсегда, а не, как турист.

Он, волнуясь, вскочил, потом присел, обнимая Сашины колени, заглянул в глаза:

– Завтра я уезжаю в Волгоград, потом в Москву. Поехали со мной!

Если бы кто-нибудь из его немногих друзей в Германии или сестры сейчас увидели его здесь, на границе с Казахстаном, в этих полупустынных степях, на берегу соленого самосадочного озера, куда в далеком восемнадцатом веке занесла судьба экспедицию немца Палласа, то они бы не узнали своего немногословного Евгения Вебера. Эта его привычка «Много думать, но мало говорить», словно растворилась в мареве набегающего дня, у ног русской чудесницы, в объятиях которой он утонул вчера.

Так, в весеннюю гулкую ночь под ярко расцветшими созвездиями вдруг прорывает ослабевшие земляные плотины застоявшаяся вода озер и рек, забравшая всю силу и мощь яростных морозов и зимних снегопадов, и утром только одинокие телеграфные столбы вдоль дорог да затопленные шапки еще сонных деревьев напоминают – пора пришла.

– Саша, ты слышишь меня? Я не умею говорить красиво. Еще в Германии решил вернуться назад, чтобы построить здесь дом. Восстановить кирху, сделать в бывшем Гнадентау, в Верхнем Еруслане, туристический комплекс.

Ведь тысячи немцев уехали из нашего и других районов на новую родину в Германию, но память сердца заставляет их приезжать сюда, за тысячи километров в отпуск, в гости и просто, соскучившись по прошлому, несмотря на приличные расходы. Нужны серьезные вложения, серьезные инвесторы. Я сейчас этим и занимаюсь. Сейчас появилась но-

вая идея, но я пока тебе ничего не скажу, чтобы не сглазить, не обижайся, пожалуйста. Вместе слетаем в Германию, может быть, даже Израиль. Поедем!

Саша ахнула про себя. Этот искренний монолог в разбуженной степи взволнованного, сильного, уверенного мужчины смутил ее. И, несмотря на то, что внешне, как истинный Водолей, она казалась всем открытой для общения, на самом деле, всегда неохотно делилась своими чувствами, ценила, прежде всего, свободу личного пространства.

– Женья! У меня нет загранпаспорта. Я никогда не летала на самолете. Поезжай один, когда сможешь, – вернешься. Будет лучше, если я останусь дома.

– Загранпаспорт? Проблема! Сделаем в Волгограде быстренько. А кому будет лучше? Тебе? Мне? Я не хочу с тобой расставаться. Ты именно та женщина, с которой я хочу жить, воспитывать детей, которую хочу охранять и беречь. Сашенька, милая моя, поедем! Нам же хорошо вместе.

Он не мог усидеть, встал, глядя вдаль, волновался, и, Саша явно услышала малозаметный акцент: некоторые слова звучали с придыханием, а другие – гортанно.

– Сашенька, поедем. Возьми отпуск, уговори директора школы отпустить тебя хотя бы на полгода. – Женья сел рядом, притянул к себе, крепко поцеловал.

По его уверенному тону, по решительному взгляду Саша поняла, что он не ждет отказа, даже не допускает такой мысли. Он уже все решил для себя и за нее.

Саша встала, запахнув куртку, так как от всех этих слов ее начала бить нервная дрожь:

– Женечка, нежелание поехать с тобой сейчас – это не каприз. Уже год я привыкаю жить совсем одна, без дочери. Она учится в художественной школе в Волгограде, хорошо рисует, мечтает стать художницей. Ей там очень нравится, правда, мы с ней очень скучаем друг без дружки. В Волгограде у свекрови – двухкомнатная квартира недалеко от центра города, и все уговаривают меня переехать к ним. Я буду ждать твоего возвращения здесь. И, честно, – я не люблю город. Но если случится, что мы по-прежнему будем встречаться, – я брошу свой дом, работу без минуты сомнений и поеду с тобой. Если мы будем нужны друг другу. Мы – не дети, прости за откровенность, – Саша отвернулась навстречу горячему ветру, чтобы скрыть выступившие слезы.

– Значит, ты остаешься? – Женя снял куртку, бросил ее на щебенку склона. Саша, не поворачиваясь, кивнула.

– Хорошо. Я обязательно приеду через месяц, – схватив за плечи, прижал к себе.

Саша поразилась в очередной раз, что эти минуты близости, пылкость объятий, явное желание обладания, ментально сгладили все: недопонимание, различие взглядов, временное, пусть на секунды, отчуждение – все то, что не случилось в ее бывшей супружеской жизни. А может быть, просто незаметно исчезло, растворилось в повседневности, привыкании друг к другу за долгие годы.

– Пойдем, сфотографируемся на память, – Саша потянула Женю к озеру.

Он долго щелкал эти фантастические, постоянно меняющиеся картины действительно неземного озера; Сашу с распущенными волосами, Сашу – у снежного соленого сугроба. Залезать в воду не хотелось.

Несколько километров прошагали по пыльной дороге до источника. На берегу уходившей вдаль балки с какой-то растительностью попробовали выбегающую из-под земли солоноватую минеральную воду с характерным химическим запахом, пожалели, что оставили машину в санатории, и пришлось пешком возвращаться. Плотно пообедали в маленьком кафе в прохладе работавшего кондиционера среди развлекающихся курортников.

Потом Женя отправился на встречу с главным врачом санатория, энергичной моложавой брюнеткой в брючном летнем костюме, которая специально приехала в выходной день с супругом по просьбе Жени.

А Саша прочитала книгу Муравьева «Дороги российских провинций». Долго рассматривала маршруты экспедиций Палласа, где озеро Эльтон (в переводе с монгольского – Золотое дно) было одной из незначительных точек на карте, и крепко уснула.

Женя разбудил ее часа через два, вполне довольный состоявшейся беседой.

Приняв душ, они снова оказались в невесомой близости,

отгородившись от целого мира кирпичными стенами санаторного домика.

Возвратились домой поздно вечером, в воскресенье. Три дня пролетели, как миг. И снова невероятный поцелуй на пороге дома, от которого зажглась каждая клеточка тела, и снова захотелось ласки, сладости любви:

– Сашенька, люблю тебя! Спокойной ночи! – и машина, мигнув прощально красными задними фарами, скрылась в переулке.

Саша набрала волгоградский номер телефона свекрови. Трубку схватила Аннушка:

– Мама, мы сегодня были на Мамаевом кургане, рисовали этюды. У меня что-то получается! Mamочka, привези или передай с автобусом мои теплую куртку и осенние сапожки. – У нас будет экскурсия на теплоходе по Волге, – дочь щебетала, как воробышек, об учебе, подружках, и ее далекий голос, а затем скучный голос свекрови с очередными наставлениями сжали вдруг сердце тревогой, чувством вины перед дочерью, недовольства собой за беспечность, которую она позволила себе впервые за пять лет после смерти мужа.

Набрала номер родителей:

– Ты, что так поздно? – сонно спросила мама, видимо, задремала в кресле перед работающим телевизором. – Отец уже давно уснул. А ты где пропадала?

– На озере Эльтон, – не хотелось никаких расспросов, – Спокойной ночи! У меня завтра первый урок.

Саша включила бойлер, долго сидела в кресле, пока наполнялась ванна, а потом залезла в теплую воду и, боясь, уснуть, снова стала вспоминать....

Глава 11. Клятва

*Пришла пора деревьям молодиться,
Уже под утро, в полной тишине
Вдруг стали ветки нежно серебриться
И застывали, заколдованные, в сне.*

*И нет уже привычного дрожанья,
Стенаний ветра над промокнушею землей, —
Поднялись в празднике безлунного венчанья
Вершин короны под сказочной фатой.*

*Нигде не видно темных ржавых пятен,
Легли мазки на крыши и забор,
И только по двору на леденистой вате
Кошачьих лап стремительный узор.*

На комсомольском собрании тогда, в октябре девятиклассники избрали Сашу в комитет комсомола, и началась напряженная общественная жизнь с подготовкой общешкольных вечеров, Зарницы, с рейдами в отряде дзержинцев, с выпусками праздничных газет.

А еще нужно было в субботу помыть полы и обратиться у бабули и дома, сбегать в библиотеку, дважды в неделю — на хореографический кружок и секцию по волейболу, — и в этом кипящем круговороте школьной жизни не осталось времени ни на стихи, ни на воспоминания о летнем безрассудстве, ни о Жене.

В начале декабря легла настоящая выюжная зима с сугробами и морозами.

Накануне у матери ломили суставы, бабушке пришлось вызвать «Скорую» – резко поднялось давление.

Рано утром Саша подошла к окну, раздвинула шторы и ахнула: – Зима.

На комитете комсомола решили не просто передать с учителями в соседнюю школу альбом районной эстафеты по военно-патриотическому воспитанию, а организовать поход на лыжах и подготовить небольшой концерт.

В среду после уроков собрались всем комитетом на стадионе. Весь реквизит растолкали по рюкзакам, учителю физкультуры достался нести толстенный альбом с многочисленными фотографиями, переданный по эстафете из приволжской школы.

Настроение было приподнято-дурашливое, подкалывали друг друга:

– Идем на задание, как диверсанты.

У Саши в рюкзаке лежали атрибуты украинского костюма, и она беспокоилась, чтобы не сильно помялся роскошный венок из искусственных цветов, который они с мамой мастерили два вечера.

Пять километров до Верхнего Еруслана планировали пройти за час, а, может быть, и меньше, потом – передача эстафеты и обратно.

– Чтобы в шесть часов вечера были дома! – директриса

сама вышла на стадион, кутаясь в большой сизоватый пуховый платок.

Саша любила ходить на лыжах. Любила скорость и независимость, сосредоточенность и быстроту движений, когда все тело подчинено одной команде «Вперед и скорее!». Дыхание и ритмы сердца не дают сбоев, летишь по снегу, как стукот неведомой энергии. И успеваешь увидеть розоватые в лучах негреющего солнца снежные шапочки на деревьях, колосающиеся изморозью ветки кустарников и засохшей травы, чудесный пейзаж застывшей реки и уснувшего леса.

Пошли через лес по новой, но уже наезженной машинами снежной дороге, срезая большой, почти двухкилометровый прямой угол оживленного движением зимнего шоссе.

Две девчонки-десятиклассницы впервые встали на лыжи. Они плелись в конце растянувшейся колонны, которую замыкал недовольный физрук.

Здесь, в излучине Еруслана деревья-великаны росли произвольными группами, бросая семена и ежегодно возрождаясь в юной поросли серебристых тополей, кленов, осин, кустарников. Они стояли здесь и сто, и двести лет назад, и видели первых переселенцев из Украины, Германии, Пензенской губернии.

И теперь с немим удивлением разглядывали бесшабашную молодежь на лыжах, полную сил, энергии и задора.

Село за деревьями было не видно, но, когда взобрались на шоссе, на горизонте возник шпиль башни, устремленный

в небо.

Сашин дедушка, родившийся в Старой Полтавке еще до революции, рассказывал, что пока не поднялись сосны, высаженные после войны лесхозом на песках по берегам рек, шпиль немецкой кирхи был виден издалека за многие километры. А ночью, особенно в зимней темноте спутников на санях спасал, выводил к людскому жилью методичный, размеренный звук колокола на колокольне.

Дождаясь отставших девчонок с физруком, остановились на железном мосту через реку Еруслан. С интересом и удивлением все стали рассматривать значительное по своим размерам и конструкции, с тремя шлюзами сооружение на высоких бетонных сваях. Внизу, под мостом бежала незамерзающая вода.

Подъемный механизм состоял из зубчатых колес и рукоятки. Вращением рукоятки приводилось в движение маленькое колесо, заставлявшее когда-то вращаться большое колесо. Сбоку был приделан шкив, через который была пропущена цепь. Наверное, с помощью цепей и проходил подъем створок шлюза.

Парни из комитета комсомола со знанием дела рассуждали о достоинствах построенного еще в 1928 году уникального сооружения, но Сашу поразило, что все конструкции имели такой современный неизношенный вид, и казалось, — все механизмы просто выключены на зимнее время. Слева от моста виднелся остов кирпичного здания без крыши

– Вот, махина! Из чугуна, что ли? – Колька погладил ладонью в серой перчатке перила.

Николая в классе избрали в комитет комсомола вместе с Сашей, посмеялись:

– Ваши окна друг на друга смотрят вечером и днем, будешь, Коленька, Сашку с комитета прямо к дому провожать!

Пока шли на лыжах, было жарко, но невольная остановка на мосту напомнила, что на дворе зимний сумрачный короткий день, торопящийся перейти в ночь.

– Смотрите, нас встречают! – закричали девчонки.

Впереди шедшей навстречу группе верхнеерусланских школьников шагал по дороге Женя.

Саше показалось, что он на голову выше всех, и, действительно при встрече она убедилась, что он вымахал вверх, изменился, что ли за те несколько месяцев, что они не виделись

Он был без шапки, в распахнутой куртке какой-то незнакомый, с густым чубом непокорных волос, упрямым подбородком, с внимательными, словно насмешливыми, серыми глазами.

– Привет! А у нас вся школа собралась, – ждем вас. Снимайте лыжи, а то по улице скользко идти, – и он, присев на корточки у ног Саши, стал расстегивать замерзшие крепления.

Ребята забрали у девчонок рюкзаки и лыжи. Сашины рюкзак и лыжи нес Женя.

Спустились с насыпи дороги, по просторной улице вышли

на огромную пустынную площадь к кирхе.

Возле одноэтажных скромных домов села это диковинное здание с устремленными вверх башней со шпилем, высокими готическими окнами без стекол, освещенное лучами заходящего солнца, казалось совершенством, подаренным этому заволжскому селу, неизвестно, за какие заслуги.

Здание из красного кирпича было, словно иллюстрацией достопримечательности архитектурного изыска готического стиля какого-нибудь крупнейшего древнего города Германии, Испании или Голландии.

Снег тракторами чистили только по улицам возле домов, а кирха стояла, занесенная нетронутым снегом, такая одинокая, брошенная, что у Саши из глаз выбилась невольная слеза.

Шли длинной цепочкой по протоптанной тропинке, молча, точно боясь спугнуть вековой покой этого величественного здания, уснувшего в ожидании перемен.

К вечеру встречи в длинном теплом коридоре была наряжена раньше всех сроков высокая пушистая сосна, распространявшая неповторимый запах хвои, сверкали огоньки гирлянд, было тепло и уютно.

В небольшом классе для гостей был накрыт стол с домашними пирогами и сладостями, грелся электрический самовар.

Все выступавшие солисты двух школ пели под аккордеон, на котором играл Женя. Он тут же, без нот подбирал нужную

мелодию. Зал взрывался долгими аплодисментами.

Чаепитие и концерт затянулись до шести часов вечера. Физрук пытался дозвониться до директора школы райцентра, но связь куда-то пропала. Он махнул рукой и разрешил остаться на танцы, когда директор местной школы договорилась с директором совхоза, что гостей в восемь часов вечера отвезет совхозный автобус.

– Ты очень вырос, – шепнула Саша Женьке, когда в тесноте от множества танцующих пар, их в очередной раз прижали друг к другу.

– Представляешь, у нас нет спортзала, и все уроки физкультуры у нас – на улице, в любое время года. Качаемся на турнике в перчатках. И редко, кто болеет, – он покрепче прижал Сашу к себе, обняв ее за плечи.

– Отпусти, а то ваши девчонки меня отлупят, – Саша покраснела после гопака, который им пришлось исполнять дважды, от выпитого чая, от внимательных глаз Жени. – А почему ваше село называют «Собачье»?

Женя нахмурился:

– Верхний Еруслан – бывшая немецкая колония Гнадентау, что в переводе на русский язык означает Благодатная роса. Она была основана где-то в 1860 году. Видишь, какое красивое название было. Вся красота рухнула, когда осенью 1941 года все немцы были депортированы. Надрывно ревела скотина в стойлах без воды и корма, потом ее не стало. Лишь голодные, одичавшие собаки бегали стаями меж опустевших

заброшенных домов. Из-за этого и прицепилась обидное название «Собачье». Пойдем, побродим по улице, – он потянул Сашу в крохотную учительскую.

Саша видела, что Женя расстроился, и ругала себя за глупое любопытство, понимая, что коснулась болезненной запретной темы.

Женя подождал за дверью, пока Саша переоделась в теплые свитер, брюки и ботинки. Смеясь, сам натянул косо на лоб вязаную шапочку, и, выключив свет в учительской, они очутились на заснеженном крыльце с посыпанными речным песком ступенями.

– Мне понравилась ваша школа. И учителя, и ученики – словно большая семья.

– А аккордеонист? – Женя схватил Сашу за руку. – Пойдем в кирху.

Небо широким темным абажуром с миллиардами сверкающих лампочек-звезд укрыло горизонт, заснеженные дома, ярко освещенное здание школы и по-зимнему холодное недоступное бесхозное здание кирхи.

– Она какая-то неземная. Возле нее чувствуешь себя пушинкой, – Саша подошла к забитой досками, когда-то, наверное, нарядной и широкой двери.

– А в кирху можно войти? – почему-то шепотом спросила она.

Женя легко сдвинул болтающуюся на согнутом гвозде доску, и они протиснулись внутрь.

Вокруг все было огромно и жутковато. Сквозь дырявую крышу и пустые оконные проемы бесстрастно смотрели звезды.

Женя зажег спичку. Под ногами не было пола, только груды мусора.

– Здесь было совхозное зернохранилище. Но зерно не может храниться без крыши. Вот теперь здесь только сквозняки гуляют, – и столько горечи было в голосе Жени, что Саша снова взяла его за руку, крепко сжала, стараясь в темноте увидеть его лицо:

– Женечка, я не пойму, почему в людях, вообще в человеке, заложено это стремление разрушить, уничтожить, снести? Почему такая нетерпимость, непримиримость к красоте? Почему такое варварство в просвещенное время? Может быть, это просто темная зависть, тщательно скрываемая до времени, к таланту, уму, совершенству? Нет. Такая красота, как эта кирха, должна быть восстановлена. Должна же быть справедливость в этом мире.

– Хорошо, хоть не взорвали, как другие церкви, – Женя прижал Сашины ладони к губам, пытаясь согреть.

– Возможно, мы скоро уедем в Германию, – осторожно сказал он, – ждем вызова.

– Но ваша семья только недавно вернулись сюда, на родину из Сибири. У вас здесь дом, работа, школа, – эта новость не укладывалась в голове.

Да, Германия, Европа – это звучало, но они были так да-

леки с их языками, чуждым укладом жизни, своими законами и традициями.

– Женечка, не уезжай! Уговори отца и маму остаться! Ну, пожалуйста, – она схватила его за плечи, поцеловала в щеку, а потом, испугавшись, прижалась к холодной куртке носом и расплакалась.



Женя начал целовать мокрые щеки, глаза, губы, прижал к себе сжавшуюся, такую хрупкую в его руках девочку.

Голос его охрип от волнения:

– Саша, вот здесь, в стенах этого храма, клянусь, что обязательно вернусь в Россию, к тебе, и мы будем вместе. Ты

мне веришь?

– Да. Я тебя дождусь, – и они застыли в объятиях друг друга среди хаоса разрушения и опустошения, в свете лунного сияния, лившегося сквозь огромные разбитые окна, истово веруя, что их клятвы обязательно исполнятся, потому, что все в этом мире не случайно.

На улице раздались громкие голоса:

– Саша! Женя! Автобус пришел, – и вскоре огни школы остались позади.

Все нахохлились в промерзшем автобусе, а потом отогрелись и загорланили песни.

Поездка всем понравилась, хотя на следующий день молодому физруку директор школы объявила выговор «за несвоевременное возвращение группы из запланированной поездки».

Начинались школьные олимпиады, потом подготовка к новогоднему карнавалу, а Саша мечтала, если не увидит Женю, так хотя бы поговорить, услышать его голос. Но в телефонной трубке звучали лишь монотонные пустые гудки порыва связи.

Женя несколько раз приезжал с командой на районные соревнования по хоккею, лыжам, баскетболу. Саша видела его издали, но подойти постеснялась.

Так судьбой было уготовано, что они больше не встретились в том злополучном году. И не успели даже попрощаться перед разлукой.

Глава 12. День учителя

*Три желанья заветных есть у меня:
Первое – быть любимой,
Свободной быть – вот второе,
Ну, а третье – мира всем нам и покоя.
(Из песни)*

Женя появился в субботу, в канун дня учителя. Этот день традиционно отмечали в первое воскресенье октября, и по всей стране учителей ждали букеты, открытки, безделушки, торты, а иногда и солидные подарки от более обеспеченных родителей.

Суматошная пятница с традиционными чаепитиями в каждом классе завершились общей дискотекой в вестибюле первого этажа. Сашиных семиклассников впервые пригласили на это мероприятие, и они сначала дичились по углам, а потом разбесились в общих быстрых танцах, в полумраке зала.

Трижды пришлось объявлять последний танец, пока дежурившие учителя не выпроводили всех из школы.

Саша танцевала весь вечер. Ноги на высоких каблучках гудели, как после многокилометрового пешего похода.

Было радостно от не проходящей молодости, внутренней уверенности, гибкости тела, от теплого сумрака продолжающегося лета. И снова, как весной, хотелось умчаться на вок-

зал, купить билет до любой точки на карте, куда хватит денег. И налегке, без лишних вещей, сесть в поезд, слушать перестук колес на рельсах и гудки встречных локомотивов, провожать глазами постоянно меняющийся пейзаж за окнами купе, рассеянно поддерживать разговор с случайными попутчиками.

С утра Саша собиралась мыть полы. И теперь, открыв дверь, стояла перед Женей в шортах, застиранной футболке, шлепках на босу ногу и с веником в руке: девочка-подросток с длинным хвостом схваченных на затылке простой заколкой волос. Пушистые завитки на лбу, возле ушей сияли золотом в свете лучей неяркого солнца, прорвавшегося сквозь тюль восточного окна.

– Сашенька, радость моя! – Женя нежно сжал щеки теплыми ладонями, жадно поцеловал в губы. – Как я соскучился по тебе!

Гладко выбритый, загоревший, весь отутюженный, лощеный – он был неотразим.

– Женечка! Женечка, приехал! – Саша, как маленькая, повисла у него на шее, поцеловала щеку, ухо, прижалась к такому родному, сильному, зовущему сердцу, отбросив мешавший веник.

– С праздником, любимая! С днем учителя! – желание обладать этим девичьим телом, сжать нежно грудь, исцеловать с головы до ног было таким до невозможности сильным, что потребовалось немалое усилие силы воли, чтобы внести

свою девочку на руках в зал, поставить на пол и, сказав: – Подожди секунду, – стремглав вылететь обратно во двор и, стоя под крышей переплетенных виноградных лоз, выдохнуть стянувшее все тело напряжение.

Женя внес в комнату пластмассовое ведро с охапкой ярко красных голландских роз: – Это тебе. И это тоже тебе, – надел, примеряя на какой придется палец, золотое кольцо с большим зеленоватым камнем – под цвет глаз.

«Подарок любовнице», – мелькнула невольная мысль.

– Я сейчас переоденусь, – Саша повернулась к окну, – но Женя еще крепче сжал ладошку с кольцом. Это было просто невозможное счастье – чувствовать тепло его вздрагивающей ладони, глядеть глаза в глаза, осязать такой знакомый запах его туалетной воды, видеть реального, взволнованного, немного растерянного рядом с собой.

– Сашенька, я тут решил немного покомандовать. Примерно через час или раньше приедут ребята из нашего села и пробьют во дворе скважину, чтобы решить проблему с поливом на следующий год. Ты занимайся своими делами. Они свою работу знают. Я сейчас уеду, но прошу собраться до четырнадцати часов. Приглашаю в Саратовский театр оперы и балета имени Чернышевского на открытие сезона – балет «Лебединое озеро». Вчера вернулся в Саратов из Москвы. Там везде афиши. Купил билеты. Ты не против? – он притянул Сашу за плечи. – Отказ не принимается. Готовься к поездке. Переночуем в гостинице, побродим по городу, поси-

дим в ресторане. Отметим твой праздник и нашу встречу. Я поехал. У меня дела. — Он ушел, а ей хотелось плакать от невозможности совместить столько радости в несколько мгновений жизни для одного человека — для нее.

Но она не заплакала. Плакала редко. Сжав кулаки, терпела боль, обиды, одиночество.

И не сдерживала слезы — ничего не могла с собой поделать, рыдала публично, — только на похоронах Кости, бабушки и дедушки.

Уход близких, эта невозвратимость, скорбные лица окружающих, их тихие голоса, замедленная скованная суэта близких, непривычные ритуалы, неземная отрешенность на лицах ушедших, эти страшные ямы на кладбище — с этим невозможно было смириться. Но приходилось. Разум не хотел воспринимать происшедшее, протестовал, и реакцией на протест были слезы. После слез, успокоительных капель, двух рюмок на поминальном обеде вдруг становилось примирительно пусто, одиноко и беспокойно на душе от недоговоренности, недосказанности чего-то важного.

Хотелось закрыть глаза, заснуть, забыться, не веря в реальность происшедшего, и проснуться вновь с мыслью, что был просто жестокий сон.

Вскоре приехала бригада. Быстро и умело трое мужчин установили необходимую технику, набрали в большие пластиковые бочки воду из крана и начали работать. Через полтора часа установили привезенный мотор, подключили

шланги, и вода с синевато-желтоватым отливом хлынула под яблони.

На вопрос: — А вода не закончится быстро? — рассмеялись. — Тут под нами пресное море воды.

С понятным интересом молодые мужчины разглядывали дом, цветники, сад, пока Саша, торопливо нарезала два пакета гроздьев давно созревшего винограда.

Деловито собрав все инструменты, мастера попрощались и уехали на двух «Опелях», оставив работающий мотор и приличную горку чистейшего, без примесей грязи и глины подземного песка.

Саша оделась не по-походному: в приличные узкие брюки от делового костюма, кружевную блузку с длинными рукавами, туфли-лодочки. Волосы заплела в тугую косу.

И снова застала Женю врасплох. Войдя в комнату, он увидел перед собой стройную шатенку с сумочкой через плечо — студентку последнего курса университета. Или спокойнo-уверенную сотрудницу солидного офиса. И это превращение девчонки-подростка в деловую женщину, со строгим взглядом зеленых глаз, с ее чудесными ямочками на щечках, опять заставили сердце заколотиться бесшабашно, не слушая доводов рассудка, что близость невозможна сейчас. Что нужно ждать вечера, а пока держать себя в руках, стараясь даже не касаться Саши, чтобы не взорваться от непреодолимого желания.

А на заднем сидении, на плечиках, лежало, словно прито-

мившаяся женщина, шикарное платье из вишневого бархата, которое Саша купила на юбилей школы, и висел темный Женин костюм с белоснежной рубашкой.

– Тебе розы понравились? Саша покраснела:

– Прости, Женя, даже не успела поблагодарить. Все так завертелось: скважина, сборы, поездка. Я просто закружилась от твоего внимания.

Саша понимала, что в отношениях с Женей, по всем понятиям, она была уже опытной женщиной, – десять лет замужества, пять лет после смерти мужа. А та легкость, с которой она позволила ему с первых минут встречи опекать, ласкать ее, отдавшись и душой и телом, ни о чем не спрашивая, ничего не требуя? Эта легкость могла быть истолкована, как доступность свободной женщины.

Когда час назад перед зеркалом сушила феном длинные волосы, впервые, словно со стороны, взглянула на происшедшее с начала сентября и ужаснулась:

– Да, в селе знают, что она живет монашкой, пропадала вместе с дочерью в школе, в своем кабинете до позднего вечера. Работает в саду, огороде. Но Женя ведь не пойдет по соседям и коллегам с анкетой «Моральная жизнь учительницы Александры Алексеевны».

– А эти ее походы с учениками по родному краю? Ради чего? А, может быть, ради кого-нибудь? А поездки по городам?

Саша видела его вопросительно-удивленные вниматель-

ные взгляды, словно Женя намеревался о чем-то спросить, но сам себя останавливал.

Саша ждала, что его нетерпение спросить о том, что волновало или тревожило, прорвется при очередной встрече — за столом, в машине, в спальне, — и тогда она скажет ему просто. Просто? Все не просто:

— Верь мне, я тебя люблю, — как-то театрально. Да ничего она ему не скажет.

Если Женя уйдет, уедет, а потом через несколько лет, встретив случайно, приклеит к своим губам любезную улыбочку:

— Ну, как дела? Ты превосходно выглядишь! — она, молча, повернется и уйдет на речку, будь то зимой, весной, летом или осенью. Уйдет далеко за село, от людей и машин, ускоряющих и без того безумно несущиеся дни, недели, месяцы, годы, уйдет, чтобы остаться снова одной со своим одиночеством.

Мост через Волгу проехали неожиданно быстро, без пробок, влетели на представительную площадь областного центра, долго кружили по узким старинным улочкам Саратова с односторонним движением, чтобы вернуться к зданию речного вокзала, где Женя заказал номер и столик в ресторане.

Необходимые формальности в фойе, и они остались, наконец, одни в шикарном, на взгляд Саши, номере с видом на Волгу.

И после месячной разлуки они вновь были полны близости.

стью, страстью, возможностью говорить глупости, даже дремать в объятиях друг друга.

Собираясь в театр, Саша на глазах превратилась из студентки в прелестную незнакомку в узком облегающем бархатном платье с глубоким декольте, почти обнаженными загорелыми плечами и спиной, с умопомрачительным разрезом на полметра сзади. Черные бархатные шпильки удлиннили фигурку. На шее сверкала только тоненькая золотая цепочка.

Распустив косу, Саша привычными движениями превратила пушистую после душа копну волос в элегантную прическу. Сборы заняли полчаса.

И не было истеричной суеты перед большим зеркалом, как у его бывшей жены. Тогда было лучше уйти из комнаты, чтобы избавиться от картины нанесения слоев различных кремов, и, самое главное, не видеть рисования автопортрета с часовой подкраской ресниц, бровей, щек, губ, после чего обычное человеческое лицо превращалось в стандартную журнальную маску даже у юных девушек.

Оставив, машину на платной стоянке, быстро на такси добрались до театра.

Они медленно поднимались из раздевалки вверх по лестнице, встречая одобрителные взгляды мужчин и оценивающие взгляды женщин.

Бархат и позолота, отличный оркестр, полностью заполненные нарядной публикой партер, ложи и балконы, красота

декораций, дивная пластика балета, а, самое главное, – бессмертная музыка Петра Ильича Чайковского, – Саша видела, что Женя потрясен.

Она училась в этом городе своей юности шесть лет и не упускала ни одной возможности, экономя на всем, вместе с подругами пойти послушать оперу или сходить на балет, а летом – на гастрольные спектакли известных московских театров.

Женя в Саратовском театре оперы и балета был впервые. Во время антракта вышли на открытую террасу с широкими ступенями, помпезными колоннами величественного дореволюционного здания.

Женя накинул на обнаженные Сашины плечи свой пиджак, так как прохладный ветер с Волги напомнил, что уже давно на улице осень.

Они смотрели на ярко освещенную площадь с гигантской сохранившейся фигурой вождя пролетариата, вековыми деревьями небольшого сквера в ансамбле театра с музеем Радищева, с высотными домами по периметру. Здесь прошлое великолепно сочеталось с настоящим. Город, через который прошли революции, смены диктатур, остался городом с неповторимым, не похожим на других колоритом, индивидуальностью и шармом.

– Как ты в таком платье в школе? – спросил Женя, когда они после антракта пробирались на свои места в партере.

Саша рассмеялась:

– А булавки на что? Одну на груди застегнешь, две – на спине, одну – под коленками, и все – строгое английское платье, правда, длинное и без рукавов.

Поздней ночью ужинать не хотелось. В ресторане заказали легкие блюда и выпили целую бутылку отличного муската.

Навеселе, долго стояли, пока окончательно не продрогли от осенней свежести, на пустынной набережной, глядя на темную воду, отражающую зарево огней большого промышленного города.

Было удивительное чувство покоя, легкости и ясности во всем.

Глава 13. Надежда

*А все надежда в сердце тлеет,
Что, может быть, хоть невзначай,
Опять душа помолодеет,
Опять родной увидит край.*

*Где бури пролетают мимо,
Где дума страстная чиста, —
И посвященным только зримо
Цветет весна и красота.*

А. Фет

Воскресный день с утра хмурился, срывался иногда мелкий противный дождик, но, переодевшись, в теплые куртки, кроссовки, брюки, пешком прошлись от цирка до памятника Чернышевскому, по местному Арбату с многочисленными уличными кафе, яркой рекламой на магазинах и лавочках.

— А вот здесь, на месте сельскохозяйственной академии напротив консерватории стояла кирха, как две капли, похожая на нашу кирху. Представляешь! В Саратове и у нас — в селе Верхний Еруслан! Но ее взорвали.

Отреставрированное здание консерватории с высокими готическими окнами, шпилями и башенками, стояло, как бы само по себе, не вписываясь в ансамбль старинных кирпичных дворянских и купеческих домов, и органично смотрелось бы, наверное, рядом с величием лютеранско-

го собора.

На месте погибшей церкви бил летом причудливыми струями оригинальный музыкальный фонтан, сейчас застывший на зиму.

Прошлись по тенистым аллеям Липок, сжатых со всех сторон наступающими домами. Здесь ощутимо чувствовался неповторимый, сохранившийся аромат смеси доцветающих роз, кустарников и асфальта.

– Если бы мы не уехали тогда, 1991 году, в Германию, я бы учился здесь, с тобой, – Женя остановился перед памятником, вздохнул, – и не было бы столько потерянных лет!

Они присели на старинную лавочку под огромной лиственницей.

– Женя, ни о чем не жалею! Никто не знает, что найдешь, и, где потеряешь, как говорит моя мама. Ты обеспечен материально, независим, увидел мир, и впереди еще такая большая жизнь, – она взяла Женю под руку, прижалась, чмокнула на глазах прогуливавшей публики смело в щеку, стерла пальцами след губной помады:

– А я жалею только об одном, что выскочила так рано замуж и не училась на очном факультете в этом замечательном городе, городе-мечте. Мне и сейчас иногда хочется сдать экзамены в университет и сидеть здесь, в аудиториях, ждать и готовиться к сессии рядом со своими юными выпускниками. Вот такая мечта.

– Хватит грустить. Пошли в кафе, закажем разных пирож-

ных, кофе, чай, соки и порадуемся, что мы вместе! Вместе! – Женя вскочил с лавочки, обнял Сашу за талию и закружил-ся с ней на месте под неодобрительными взглядами пожилой пары.

Выехали из города сразу после обеда, чтобы засветло добраться до дома, но «зависли» на мосту, ползли в пробке почти час. Подъезжая к райцентру, радовались, что долгождан-ный дождь, догонявший их всю дорогу, начал, сначала остро-рожно, потом все сильнее начал стучать по крышам и дере-вьям. Женя, успев загнать машину в пустой гараж, заскочил в освещенный коридор с уже намокшими волосами.

– Я останусь у тебя на несколько дней, ты не возражаешь? У моей тети полон дом гостей из Сибири. Пустишь в свой те-рем-теремок своего будущего мужа? – Женя поставил сум-ки, огляделся с интересом.

К этому нужно было привыкнуть, – видеть его рядом, та-кого большого, сильного в просторных комнатах своего до-ма, слушать его спокойный мягкий баритон, о чем-то спра-шивать, отвечать, смеяться вместе с ним. И в то же время понимать, что все это – временно. Что его, как свободную птицу, не удержать возле своей юбки, и рано или поздно пти-ца станет на крыло и поднимется высоко в небо навстречу своей судьбе.

– Сколько у тебя здесь книг! Целая библиотека, Женя взял сборник стихов Фета, лежащий на столе возле компьютера, раскрыл пожелтевшие листы:

Из тонких линий идеала
Из детских очерков чела
Ты ничего не потеряла,
Но все ты вдруг приобрела.

Твой взор открытей и бесстрашней,
Хотя душа твоя тиха;
Но в ней сияет рай вчерашний
И соучастница греха.

– Саша, а это ведь о тебе. А обо мне что-нибудь найдешь?
Или о нас двоих?

– Так, значит, соучастница греха? Вот, что ты обо мне думаешь! – Саша легко толкнула ничего не ожидавшего Женю на диван, и тот, падая, успел схватить ее за руку, притянул к себе, сразу ощутив, как натренированное, сильное тело внезапно стало податливым, таким желанным, близким и родным, требующим и берущим, что ничего более важного для него в эти мгновения больше не существовало.

Позже, после ужина, сидя на диване, в комнате с книжными шкафами, с картинами на стенах, иконами на журнальном столике, со скромным ковром на полу, с минимумом старой мебели, Женя смотрел, как Саша привычно расчесывает копну своих длинных, до пояса выующихся волос. Расчесывает так естественно, без всякого кокетства, как она это делала каждый вечер и до него, и будет заплетать свою косу

на ночь и без него, склонив свою головку набок. Его словно озарило:

– Ведь я люблю эту женщину, – такую яркую, умную, чувственную, независимую, непредсказуемую, надежную, свободную и просто красивую.

В его жизни были разные женщины, кроме бывшей жены: немки, русские, итальянка. Но воспоминания о русской подруге из далекого заволжского села, — заводной, похожей немножко на него самого, отчаянной, красивой, заставившей его полюбить походы в библиотеку и слушать стихи, – иногда всплывали в памяти.

Мысль о встрече с ней жила подспудно, где-то в глубине сознания постоянно, даже, когда был счастлив после женитьбы на рыжеволосой еврейке, дочери скромного парикмахера с соседней улицы. А ведь женился по настоятельному требованию отца узаконить отношения с понравившейся девчонкой после двух поездок с ночевками на ближайшее озеро.

Он думал о Саше, даже, когда через год родилась дочь.

Женя знал, был совершенно уверен, что вернется в Россию, когда закончит обучение в коммерческом колледже и станет хорошо зарабатывать. Тогда отец все чаще заговаривал, словно случайно, что ему нужно обязательно побывать на Алтае, посетить могилы родителей и бабушки с дедушкой. Проведать в Волгоградской области среднюю сестру, которая вышла замуж за русского, и из-за мужа, категорически отказавшегося менять свою фамилию в документах

на немецкую девичью жены, они остались в России – стране с непрекращающимися войнами, резкими скачками цен, инфляциями, с терактами в крупных городах и с разоренными селами.

Муж тети был простым крестьянином, который не вылезал сутками круглый год из старенького ДДТ на необъятных полях целинного совхоза, а когда совхоз развалился, стал фермером с вечными проблемами нехватки кормов, денег, изношенной техники, кредитами, ссудами.

– Женя, посмотри, что мне ученики подарили, – Саша стояла на пороге спальни босиком в тонкой ночной рубашке до колен, под которой было только загоревшее тело. Его недотрога и пылкая любовница одновременно, скромная учительница, за мгновения превращающаяся в элегантную особу, аскет в быту и восторженная любительница поэзии, сельчанка, посещающая города из-за любви к путешествиям или лишь по необходимости, мечтательница и великая труженица, – это была его Саша.

Она, погасив свет в спальне, включила картину, где причудливая игра света и теней создавала иллюзию набегающих волн у далекого тропического острова на фоне заходящего солнца. И они, после такого насыщенного впечатлениями дня, заснули под несмолкающий шум прибоя.

И только глубокой ночью, проснувшись, Женя выдернул шнур из розетки, в полной темноте и тишине слушая ровное

дыхание своей любимой женщины.

Утро было свежим и чистым после прошедшего ночью дождя. Капли застыли на все еще зеленых листьях деревьев, падая на волосы, плечи при неосторожном прикосновении холодными пуляками приближающейся осени.

– Не желаешь ли, милая Сашенька, после уроков совершить со мной еще одну поездку по историческим местам района? – Женя принес из машины спортивную сумку, достал пачку своего кофе, за неимением турки сварил кофе в литровой эмалированной кружке. Саша заварила себе чай из пакетика:

– А грязь на дорогах? – школа была далековато, но она спокойно за двадцать минут успевала до начала первого урока.

– Я тебя подвезу, – начал Женя, но Саша, схватив сумку, помахала рукой уже в дверях:

– Я поеду с тобой, хоть на край света. Жди в четырнадцать часов, – и убежала.

Дождавшись девяти часов, Женя взялся звонить сначала в Москву, потом – в Волгоград, потом – снова в Москву по разным номерам. Все это заняло уйму времени.

– Нужно заплатить за переговоры, – машинально подумал Женя, набирая очередной столичный номер, но представил, как это может оценить Саша, и, сказав про себя: «Проспишь все на свете», – решил, не откладывая, во время совместной поездки, рассказать ей о своих планах.

Иногда, особенно во время длительных летних утомительных переездов по разбомбленным, неустроенным сотням километров дорог приходила подспудно мысль: «А не поторопился ли ты сюда, на свою бывшую Родину, поддавшись меланхолии детских и юношеских воспоминаний, настрою тех незабываемых лет, понимая, что вырос на русских народных сказках, поэзии и прозе великих русских писателей и поэтов? Ведь стремительный двадцать первый век успел перекроить сознание многих, что мы все – дети мира! А та волна переселения, которая подхватила, сорвала с насиженных мест, выплеснула в города и поселки далекой Германии тысячи всколыхнувшихся, взметнувшихся семей, откликнувшихся на призыв зова крови предков? Смогла ли она заставить заглушить все восстающие в душе сомнения и переживания надеждой на безоблачную жизнь?»

«Буду мемуары на старости лет писать – вот тогда и отвечу на все эти вопросы, а пока буду просто жить, как решил, и любить, пока могу», – решительно захлопнул записную книжку, поднимаясь из-за стола.

Глава 14. Заволжье

*Опавший лист дрожит от нашего движенья,
Но зелени еще свежа над нами тень,
А что-то говорит средь радости сближенья,
Что этот желтый лист – наш следующий день.*

*Как ненасытны мы и как несправедливы:
Всю радость явную неверный гонит страх!
Еще так ласковы волос твоих извивы!
Какой живет восторг на блекнущих устах!*

*Идем. Надолго ли еще не разлучаться,
Надолго ли дышать отрадою? Как знать!
Пора за будущность заране не пугаться,
Пора о счастье учиться вспоминать.*

А. Фет

– Женя, ты дома? У меня новость! – Саша влетела в комнату, сбросив туфли у порога, схватила Женю за руку, потом, увидев удивление в его глазах, отпустила, присела на диван напротив стола.

Щеки от быстрой ходьбы, свежего воздуха разругались, она была взволнована.

Женя убрал ежедневник. Телефонная линия была занята:

– Что случилось? За тобой кто-нибудь гнался?

– Женя, помнишь, мы тогда летом убедились, что ход подземный существует, а нам ведь не верили! Представляешь,

сегодня трактор копал канаву под водопровод в парке. Да, у нас в парке начато строительство церкви, Она будет кирпичной, за зданием кинотеатра «Еруслан», в самом центре села. Там земля освящена. И вот, трактор чуть не провалился в подземелье. Значит, действительно, от дома священника до старой церкви был прорыт ход!

Саша снова схватила Женину руку:

– У нас полшколы с уроков сбежало, а у меня завуч на уроке сидела.

– Сашенька, давай обедать. – Женя встал из-за стола, – Я тут у тебя немножко похозяйничал – налепил пельменей по-сибирски. Надеюсь, ты не откажешься попробовать мою стряпню?

Саша, стремительно войдя в комнату, не обратила внимания, что стол в зале сервирован на двоих, а из кухни доносятся аппетитные запахи свежей зелени, лука и вареного мяса.

– Ты готовить умеешь? Прости меня. Я из-за этой новости даже за хлебом не зашла, А тут пельмени. Да здравствуют пельмени!

Она была взволнована, и Женя увидел снова ту девчонку-атаманшу, которую когда-то в начале апреля встретил после рыбалки на Чернышевском пруду в двух километрах от села. Она накачивала спущенное колесо велосипеда, но безрезультатно, оно было проколото. Рядом на дороге лежали связанные удочки и стояло ведро с рыбой.

В классе это была строгая примерная отличница на пер-

вой парте, которая целую неделю добровольно носила ему учебники в феврале. А здесь, в степи, он как бы вновь познакомился с ней, когда Саша в лоб спросила, сверкнув своими кошачьими глазами:

– А ты любишь стихи? А книги читаешь? Я обожаю Евтушенко, Вознесенского, Смелякова! Знаешь, когда я в третьем классе прочитала книгу Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна», мы с мальчишками угнали у деда на Еруслане лодку и втроем доплыли до Песчанки. Хотели до Волги, но нас нашли на третий день. Ты знаешь, сколько Еруслан делает поворотов? До Песчанки по прямой – пять километров, а мы три дня через камыши пробивались.

Они с Сашей вели велосипеды рядом и беседовали, будто были знакомы с детства.

Как она отличалась от Жениных сестер, которых: во-первых, никогда бы не отпустили без взрослых рано утром на речку, во-вторых, они любили поспать и целый день сидели возле матери, в-третьих, никто не хотел учиться езде на велосипеде. Женя был в семье средним, Старшая сестра Эмма перешла в десятый класс, у нее остался парень в Сибири, с которым она переписывалась. А младшая, Вика, была маменькиной дочкой, шила куклам платья и часто болела.

Саша была выдумщицей и заводилой во всех делах.

В апреле грязь быстро подсохла. Саша уговорила отца дать два тонких сосновых бревна от будущего забора и сделать волейбольную площадку на пустыре за их двором.

Мальчишки под руководством Саши вкопали эти столбы, натянули сетку из ДОСАФа, сделали разметку мелом, сложились на мяч, и уже с первого мая бились по волейболу улица против улицы.

Учителей не было. Сетку на ночь не снимали, никто ее не трогал. Это была их территория.

Потом летом сделали на реке шалаш, ловили рыбу, варили уху, пробовали запеченную в глине рыбу, даже вареные ракушки, жарили на прутиках соленое сало.

Эта девчонка стала сниться по ночам. Когда играли поздно вечером в ремня, ему отбивали кожу на ладонях, – до пятидесяти ударов за вечер ремнем за отказ отдать Сашку.

Ей нравилось получать записки, и он придумывал причины, чтобы, кроме рыбалки, речки и волейбола, встретиться с ней.

Это она притащила его в библиотеку.

Сейчас, с высоты своих тридцать пять лет, он понимал, что это было временем прощания с детством, когда все просто, беззаботно и очень серьезно одновременно.

Эта сохранившаяся искренность, открытость в женщине, стоящей на пороге своего расцвета в тридцать пять лет, волновали его. Саша была или исключением из природных правил, или, наоборот, природа пыталась подсказать ему, что можно сохранить молодость тела, сохранив молодость души, свежесть восприятия, детскую непосредственность, доброту, увлеченность, только, не ведая злобы и зависти, живя в со-

гласии с собой и миром, насколько это возможно.

Как все это сохранилось в Саше, он не знал. Он был далеко от нее не только в измерении расстоянием, – далек и в мыслях, потому, что не разглядел ее сущности тогда, будучи молодым, глупым, самовлюбленным мальчишкой, хотя чувствовал инстинктивно, что она не такая, как все: чистая, доверчивая, с завидной силой воли, целеустремленности.

Она и учительницей стала, подчиняясь подсказке свыше: иди и учи.

– Женя, ты меня не слушаешь. Когда я вышла замуж и переехала на заочное отделение университета, меня, студентку второго курса мехмата, взяли по знакомству библиотекарем. И осенью, когда заведующая была в отпуске, я уговорила девчонок-библиотекарей залезть в подвал.

Он всегда был закрыт на такую огромную щеколду и замок, сохранившиеся, наверное, с дореволюционных времен. Зимой печи топили углем и дровами, но, когда мы открыли крышку, в подвале было пусто, валялся разный хлам: списанные книги, старые журналы. Но, что интересно, в полу была заколоченная дверь. Как мы не пытались подцепить толстые доски, у нас ничего не получилось, а потом привезли уголь и дрова, и подвал завалили. Через год ушла в декретный отпуск, родила дочку Аннушку, и мне, честное слово, стало не до подвалов.

– Женечка, давай представим, что если там есть дверь, то за ней может быть и потайной ход. Предлагаю: давай залезем

и посмотрим.

– Нет, нет, Сашенька. Хватит с меня и того случая, – на голове шрам остался, где зашивали.

– Дай, я посмотрю, – он склонил голову, и Саша, почти касаясь его грудью, стала раздвигать пальцами непокорный чуб.

Женя замер от этой пронзительной ласки и, схватив на руки: «Ты что, с ума сошел! Вдруг кто-нибудь придет!» – крепко обхватившую его за шею Сашу, отнес на раздвинутый в спальной диван.

Каждое прикосновение было колдовством, било током до невозможности устоять.

– Женька,пусти! Пользуешься преимуществом, что сильнее меня! Женя, спустимся в подвал и все там осмотрим завтра, хорошо? – он ослабил свои объятия, и она вынырнула из-под него, поправляя взлохмаченные волосы.

Женя встал:

– Саша, нам нужно совершить одну деловую поездку, пока не стемнело. И в дороге поговорим, – Женя вышел на улицу выгонять машину из гаража, а Саша, взглянув в зеркало на свои покрасневшие щеки, вздохнула: – Обиделся.

Они выехали из села по трассе на север.

– Неужели в Верхний Еруслан? Зачем? К тете знакомиться, – так сказал бы заранее, чтобы оделась приличнее. Отпадает.

Когда машина промчалась по новому мосту через Ерус-

лан и резко свернула на песчаную грунтовую дорогу среди почти барханов до самой реки, оставив село позади, Саша не выдержала:

– Женья, там впереди – только брошенные села. У тебя там друзья?

Слева темной стеной среди песков и степи высились уходящие вдаль на несколько километров ровные ряды уже взрослых сосен.

– Провезу тебя, Сашенька, на своем «Баварце» по старинному чумацкому тракту. Историю учила? Знаешь своих предков? Помню, когда-то ты говорила, что у тебя все родственники по линии отца – украинцы.

– А бабушка – донская казачка со станции Себряково, мама – из Московской области, – добавила Саша.

Женья рассмеялся:

– Тут, в нашем заволжском краю все давно живут в дружбе и согласии: русские, украинцы, немцы, казахи, татары. Саша, я тебе сказал на Эльтоне, что вернулся в Россию, чтобы заняться восстановлением кирхи. Я – представитель одной очень солидной фирмы. Когда окончательно решил вернуться в Россию, меня порекомендовали в эту фирму, как хорошо знающего русский язык. Мне нужно изучить экономическую ситуацию в этом перспективном в будущем районе Заволжья.

– Знаешь, откуда у меня деньги, независимость? Нет, не думай, я – не миллионер и не шпион. Когда после оконча-

ния колледжа поступил на работу в приличный банк, повезло удачно вложить сбережения отца в перспективные акции французской нефтяной компании, начавшей разведку нефти и газа на территории нашего района. Нефть нашли, и начали разработку возле села Черебаево. Ты об этом знаешь. Нашли огромные запасы нефти в районе села Харьковка, но разработку пока прикрыли.

– Нефть ищут и добывают в Сибири, на Дальнем Востоке – это очень большие затраты, а здесь – в пяти километрах железная дорога, практически рядом – нефтеперерабатывающие заводы Саратова и Волгограда, ветка – Астрахань – Москва.

– А потом – наша поездка на Эльтон. Возникла дерзкая идея – построить рядом с существующим с 1945 года санаторием, где мы были, причем, в кратчайшие сроки, новый санаторий с современным оборудованием на уровне израильских санаториев на Мертвом море. Сейчас я этим занимаюсь. Много организационных вопросов, но необходимые работы уже начались.

– Сашенька, моя идея понравилась. Предварительные расчеты положительные. Мы будем строить санаторий на Эльтоне.

Машина мягко шла по проселочной дороге, заросшей травой, ныряла в небольшие балки. Кустарники хлестали по стеклам ветками с теряющимися на дороге листьями, а в хороводе встречающихся деревьев все чаще вспыхивали

золотом независимые осинки.

– Сашенька, ты что-то побледнела? Тебе плохо? – Женя остановил машину на высоком берегу реки. Сашу просто укачало на бесконечных подъемах и поворотах.

Она спустилась по влажной глине к самой воде. Слегка подташнивало, но стало легче, когда, заглянув в сумрачный полумрак еле-еле движущегося течения и увидев свою бледную физиономию, умылась и постояла несколько минут на легком ветерке, не вытирая лица.

Женя стоял наверху, возле машины и ждал. Протянув руку, помог взобраться на бугор:

– Тебе лучше? Может быть, вернемся?

Все услышанное от Жени вдруг сложилось неожиданно для Саша в обидные до боли слова: – Совместить полезное с приятным.

Полезное – это работа, очень ответственная работа серьезного умного предпринимателя, возможно, даже громко – бизнесмена. Да, да, это вам не кафе или магазин модной одежды открыть. Газ, нефть – это серьезное поле деятельности для серьезных мужчин.

– Ну, а приятное, – встретиться неожиданно на дороге с бывшей одноклассницей и провести с ней несколько свободных, в напряженном графике переговоров, совещаний, поездок, вечеров.

– А сегодня ты куда собрался? – ей захотелось пройтись без машины, пешком, по дороге, вдыхая свежий после ноч-

ного дождя грибной запах преющей листвы, каких-то запоздалых полевых цветов, шуршащего камыша, и слушая переговоры ветра с верхушками огромных тополей.

– Сашенька, как здесь хорошо! – он притянул ее к себе и стал целовать страстно в шею, щеки, губы. – Я тебя люблю! Все мои проблемы сразу куда-то уходят, я просто перестаю о них думать рядом с тобой. Тебя невозможно не любить. Выходи за меня замуж.

Саша вздохнула:

– Ты хочешь видеть рядом с собой постоянно постепенно стареющую женщину?

Женя отрицательно покачал головой:

– Не забывай, Сашенька, мы с тобой – почти ровесники, Я старше тебя почти на два месяца, Мы будем стареть вместе, но это будет потом, не скоро. Мы должны объехать весь мир. Успеть воспитать наших детей, Ты должна родить мне сына, или двух. Или трех, как получится, – добавил он.

– Говори «Да», а то, как в сказке, сейчас бросимся оба в омут с высокого бережка вниз головой...

– Кто-то в омут, а я – вон на ту гору, – и она потянула Женю за руку на высокий, уходящий вдаль рукотворный вал – плотину, с которой открылась и панорама реки, и огромный луг, заросший кустарником

– Ты не ответила! – северный ветер здесь был задиристым, пытаюсь пробраться через куртку до разгоряченного тела.

– Миленький ты мой, возьми меня с собой, там, в краю

далеком я буду тебе чужой, – пропела Саша, дурачась. – Свобода и независимость – вот лозунг мой и солнца! Я тебя тоже очень люблю, Женька! Слышите все – люблю! – тошнота прошла, голос звенел.

Женя схватил ее за плечи:

– Саша, я серьезно все сказал!

– Да, Женечка, да, да, да! Но все будет потом. А сейчас, представляешь, вот на этом самом месте начался мой самый первый трехдневный поход с ребятами по нашему району, за который руководителю похода, то есть мне, объявили строгий выговор за опоздание на десять минут на письменный экзамен по математике. Женя, это был незабываемый поход. Все помню, хотя прошло столько лет, – она улыбнулась. – Понятно, Женя, тебя интересует Валуйская система искусственного орошения, построенная в 1881 году. Поехали, посмотрим, что от нее осталось. Господи! Прошла целая вечность, как мы тут на жаре плавились.

– Любимая хулиганка, – подумал Женя, плавно трогая машину с места, – но с ней не соскучишься.

Перед поездкой Женя просмотрел архивные документы по истории орошения в Заволжье.

В далеком 1879 году в район Самарского Заволжья была направлена водная экспедиция министерства земледелия и государственных имуществ под началом генерал-майора И. И. Жилинского. После изысканий в бассейне реки Еруслан было определено место будущего орошаемого участка

в долине рек Соленой и Белой Кубы близ села Валуйка. В 1881 году работы были завершены. Протяженность плотин составила четырнадцать верст, оросительных валов — двадцать шесть верст, магистральных каналов и их ветвей — срок пять верст, а всей сети — сто шестьдесят две версты.

Это была грандиозная стройка. И, учитывая, что все земляные работы были произведены практически вручную за такой короткий срок, сегодня, в век развития высоких технологий, невольно удивляешься искусству инженеров конца девятнадцатого века, от которых требовались большие знания при устройстве правильного орошения с необходимыми при этом сооружениями, плотинами, прудами, водоспусками, шлюзами, дамбами. Все эти тонкости ирригационных сооружений Женя видел на фотографиях в архиве.

Выйдя из машины, они прошли по широкой и высокой плотине самого главного некогда сооружения. По обеим сторонам росли вековые, кое-где не выдержавшие гнета времени вербы.

Выглядела плотина так, как будто ее построили вчера, а не сто с лишним лет назад.

Подшли к строению из красного кирпича, напоминавшему часовенку с фигурными башенками по карнизам, без крыши и сгнивших полов, с непонятным знаком на фигурном фронте. Знак был из металла грубой кузнечнойковки, чем-то напоминавший букву S.

Саша вспомнила, как они поставили в первую ночев-

ку, неподалеку от этого шлюза, на берегу журчащего канала свои палатки. И она категорически запретила подходить и заглядывать в глубину бетонного колодца, покрытого темной зеленью, а тем более подходить по оставшимся гнилым бревнам пола к стенам, исписанным снизу доверху именами, фамилиями побывавших здесь ранее туристов.

Наловили рыбы, и пока закипала уха, все долго спорили, кто строил: русские, немцы или американцы, ведь знак, по их мнению, был знаком доллара.

Вокруг было безлюдно. На местах некогда процветавшего Посевного остались только развалины, заросшие бурьяном, и всего несколько уцелевших домиков, в которых доживали старики.

Такое же запустение встретило их на месте первой сельскохозяйственной опытной станции в стране имени П.П.Костычева.. так называемом ВОМСе.

С деятельностью некогда знаменитой на всю Россию и Европу Валуевской опытно-мелиоративной станции были когда-то связаны имена таких известных ученых, как почвовед Павел Андреевич Костычев и Василий Васильевич Докучаев, генетик Николай Иванович Вавилов и многие другие.

Здесь проводились научные опыты по выведению новых сортов кормовых и зерновых культур, выявлению наиболее благоприятных способов орошения в засушливой степной зоне по вопросам осушения и рассоления почв. Когда-то здесь были оранжерея, разбит великолепный виноградник.

Все это они знали и просто, молча, созерцали.

– Знаешь, – после долгого молчания заговорил, наконец, Женя, – в конце пятидесятых годов, когда с российских немцев были частично сняты ограничения на переселение, на Волгу стали возвращаться депортированные в 1941 году немецкие семьи. В свои родные села немцам было запрещено возвращаться, им там отказывали в прописке, поэтому приходилось искать села, где можно было поселиться хотя бы поближе к родным местам.

Одним из таких пристанищ стали поселки Посевной, Шпаки, Старый Хутор, Директор совхоза «Посевной», невзирая ни на какие указания сверху, лично ездил по районным инстанциям и добивался для немцев, возвращающихся на Волгу, разрешения на прописку. Среди первых немцев, прибывших в 1956 году, были и мои дальние родственники Вебер.

Когда подрастут наши сыновья и дочери, я посажу их в машину и покажу весь район, его достопримечательности, чтобы знали историю своей малой родины, а не только места купания и пикников с шашлыком, – Женя посмотрел на Сашу. Согласна?

– Нет, Женечка, не согласна. Твои чада, пристегнутые в креслах безопасности, или позже, подпрыгивающие на больших кочках, будут сиротливо смотреть на мелькающие за окном деревья и думать, когда же их больным на голову родителям надоеет пылиться по разбитым дорогам и они

соизволят вернуться в цивилизацию, к телевизору и компьютеру от этих осколков прошлого.

– Нет, нужно еще в юности, пораньше, пройти пешком, проехать на велосипеде или на лошади по нашему Заволжью. Чтобы с рюкзаком за плечами, с фляжкой воды, с ночевками у костра, с ранним подъемом и купанием в росе, днем под палящим солнцем на выжженной степи, душой понять тех, кто пришли сюда в давние годы. Построили села и церкви, голодали от неурожая в засуху, выстояли все войны, не озлобились, а только окрепли в своей вере.

– Вот таким я вижу будущее для своих детей и учеников, которых водила и буду водить в походы. Согласен?

– Согласен, – Женя понял, что он до конца уверен в Саше, как в себе.

Он молчал всю дорогу, молчала и Саша, в темноте салона машины, освещенной лишь таинственным свечением приборной доски, глядя на убегающие под фары километры дорог.

– Прорвемся, – сказал Женя, когда проехали на обратной дороге мост через Еруслан, – мы – оптимисты! Правда, Сашенька? Нам нужно многое успеть в этой жизни. И я уверен, через годы, в ближайшем будущем люди из-за нехватки продуктов питания – хлеба, молока, мяса – обратят поневоле внимание на наши бескрайние просторы. Будет разработана и осуществлена специальная программа обводнения засушливых земель Заволжья. И одним из брендов на товарных

марках зерна станет силуэт нашей вознесшейся к небесам кирхи, не как церковный символ, а символ новой целины, символ возрождения Заволжья, символ возвращения к историческим истокам.

Рано утром, складывая вещи в сумку, Женя был собран, подтянут, готов к дальней дороге. Отказался от завтрака, выпил только чашку кофе:

– Не обижайся, Сашенька. Сегодня я не зову тебя с собой. На машине до Москвы – тяжело без привычки. И запомни: ты для меня – гавань, куда все моряки из дальних походов обязательно возвращаются. Люблю тебя и верю тебе. До встречи, любимая!

Глава 15. Ожидание

*День проснется – и речи людские
Закипят раздраженной волной,
И помчит, разливаясь, стихия,
Все, что вызвано алчной нуждой.*
А. Фет

Через неделю после отъезда Жени Саша собралась в свой методический день, в Саратов. Автобус был наполовину пуст. Попутчики кутались в шарфы, сидели в куртках с надвинутыми капюшонами.

Пришедший с севера циклон завалил рыхлыми влажными клоками снега всю еще зеленеющие деревья и кусты, и пригнутые к земле тяжестью, цветы на клумбах выглядели обиженно и недовольно.

Оделась потеплее: одно дело – мчаться в сверхсовременной машине по разбитой дороге, другое – прыгать на колесе, на жестком сидении устаревшего «ПАЗа» под грохот всех раскрученных гаек, болтов, не закрывающихся окон.

В рабочий день в Саратове после девять часов было немногочисленно, все бежали по своим делам, не глядя по сторонам.

В хозрасчетной поликлинике возле Крытого рынка тоже не было очередей одиноко сидели возле кабинетов по одному человеку.

Саша собралась пойти на прием к терапевту, но медсестра регистратуры, услышав жалобу на появляющуюся тошноту после еды, посоветовала провериться, прежде всего, у гинеколога.

Раздеваться и лезть на кресло не хотела, но возле кабинета никого не было, и она решилась.

Приговор был однозначный – шесть или семь недель беременности, предварительно – мальчик.

Эта новость заставила густо покраснеть, когда после расспросов пожилая располневшая врач улыбнулась:

– тридцать пять лет – отличное время для рождения второго ребенка. Позвоните скорее, порадуите папочку. Вам необходимо быстренько встать на учет по месту жительства.

Вот этот фактор – стать на учет по месту жительства да побыстрее – был одним из неприятнейших. Не станешь – не получишь декретного отпуска. А появление в больнице в известном кабинете – бомба немедленного действия с разлетом осколков-вопросов «А кто отец ребенка?» по всему селу.

Потом располневшая фигура, торчащий живот и кривлянье учеников на уроках и переменах за спиной, комично изображающих изменившуюся походку учительницы математики.

Все это смутило Сашу лишь на секунды раздумий, – она все переживет, перетерпит. Для нее даже не стоял вопрос – рожать или нет? Она уже думала о нем, о своем будущем малыше, хотя до его рождения нужно было прожить еще по-

чти год.

– А вот Женя? Как быть с ним?

Новый сотовый телефон, подарок Жени, лежал в сумочке и словно дразнил: «Позвони. Все равно придется». – Подумав, Саша решила пока Жене ничего не сообщать.

Она решительно направилась к модному кафе напротив здания цирка, осторожно, то ли позавтракала, то ли пообедала, – ведь впереди предстояла двухсоткилометровая дорога. И никто не мог подсказать, как малыш отреагирует на долгую тряску по избитому машинами старому асфальту.

Добралась благополучно и сразу растворилась в крепком сне, осознав, наконец, что вся жизнь теперь будет наполнена не только беспокойством за здоровье и благополучие дочери в далеком областном центре, ожиданием возвращения Жени.

Самое главное волнение сейчас – за нормальное развитие малыша и чудо его появления.

На другой день после уроков Саша отправилась в поликлинику, решив ничего не откладывать на потом.

Слух распространился по больнице немедленно.

Не успела Саша поставить чайник на плиту и помыть руки, как прибежала, видимо, не заходя домой, мама. На ней под плащом был виден белый халат:

– Саша! Ты действительно беременная? Она налила в бокал из чайника не успевшей даже нагреться воды, выпила, села на стул.

– Да! А что? – Саша поставила на стол банку с медом, конфеты, какие-то фигурные печенья.

– Ты не можешь рожать! Тебе уже поздно! А вдруг осложнения? Аннушка осталась без отца, а если с тобой что-нибудь случится? – мама была точной наводкой по самой больной точке.

Когда тряслась в автобусе, эта мысль тоже мелькнула.

– Не нужно думать о плохом. Буду думать о Женечке, – Саша налила чай в бокалы, присела к столу.

– Сашенька, ты разумная девочка! Не делай глупостей, доченька! Поживи для себя. Ты же любишь путешествовать, а здесь свяжешь себя на всю оставшуюся жизнь. Тридцать шесть плюс двадцать, – тебе будет пятьдесят шесть лет, когда ребенок вырастет. И кто ты будешь? Старушка-пенсионерка с минимальной копеечной пенсией. Хотя зачем я все это говорю? Ты, все равно, решишь по-своему. Пойду домой, – отца порадую, – и она ушла, забыв свою сумку на стуле в прихожей.

– Мамочка, самый близкий и родной человек, заменившая ей всех подруг, – даже тебе я ничего не сказала о Жене, – Саша вздохнула, – все, что было с ним – их недолгие встречи, разговоры – были настолько личными, сокровенными, что остались в самом надежном тайнике – в ее памяти.

Саша никогда не понимала своих ровесниц, которые на другой день посвящали своих подруг в обсуждения подробностей свиданий, объяснений в любви и даже постель-

ных сцен.

– Пусть говорят, что хотят, – это их личное дело, но без моего участия, – так она объясняла отказ слушать последние новости села.

С мамой они говорили обо всем, сидя на диване перед телевизором, за столом на кухне, вызывая откровенную ревность отца, демонстративно уходившего от разговоров с газетой в другую комнату.

– Привыкнут к моему положению, – Саша опять посмотрела на два молчащих телефона, стоящий и лежащий сотовый, на столе.

– Ничего не скажу, – решительно села за компьютер готовиться к урокам.

Глава 16. Клад

*И вдруг неведомая сила
Уставших торопливо подняла:
В прибрежном камыше речулика вилась —
Дорога к перекапу привела.
Куда девалась давняя усталость?
Ее волна на запад унесла.
А звезды падают, как под Полтавой, в шалость,
И глухо бьется под корягою вода.
— Эх, хату белую б под этот тополь,
И гулкую криничечку отрыть!
И долетел до родины тот вопль,
Что хлопцам довелось открыть
В степи безродной дивную сторонку,
Где мягко стелется в ночи туман,
И крупный жсерех попадает в донку,
И диких табунов несется ураган....
И поднялись весною ранней
Из глины мазанки в одно окно.
И стало вечерами вдруг отрадней —
К реке, не торопясь, бежало с берега село.*

На другой день Саше позвонили из библиотеки, попросили срочно зайти.

— Александра Алексеевна, помните, вы рассказывали, как в детстве разыскали подземный ход, и думали, что есть еще один ход между нашей библиотекой и бывшей церковью.

Мы по вашей просьбе собирали книжки и вырезки из га-

зет и журналов и смотрите, что нашли:

– С приходом большевиков к власти в октябре 1917 года население Старополтавского района раскололось: за или против Советской власти. В районе началась малая гражданская война, Эсеры Пятаков, Вакулин, а также Тегустаев и Сапожков создали вооруженные банды. Их зверские расправы со сторонниками большевиков и активистами советской власти унесли жизни многих сотен наших земляков.

Людей топили в Волге, Еруслане, Соленой Кубе, зарывали живьем в песок у села Красный Яр.

Крестьянская беднота в 1919 году организовала несколько коммун, в том числе, коммуну имени Ленина и «Красная заря» – у Иловатки. Вскоре они были разгромлены и разграблены пятаковцами, а коммунары расстреляны.

Саша вспомнила, как в одном из походов в начале июня, они остановились на ночевку недалеко от понтонного моста через Еруслан на большой поляне, окруженной старыми деревьями и разросшимся кустарником, со скромным деревянным обелиском с красной звездой на шпиле. На этом утопающем в траве по колено живописном месте была когда-то первая в районе коммуна. Многие и ныне проживающие в районе были внуками и правнуками коммунаров.

– Девочки, смотрите, а вот здесь о кулаках, – Саша переворачивала страницы толстого альбома с воспоминаниями земляков о далеких годах гражданской и Великой Отечественной войн, о тяжелых послевоенных годах, о первых

колхозах, целине, но мысленно была далеко от библиотеки и от своего села.

– В Старой Полтавке из общины вышли единицы крестьян. Самыми богатыми были Чернышovy. Петр Иванович Чернышов еще в 1898 году построил себе богатый дом. Круглый год на него работало до двадцати человек. Земли ему принадлежали, кроме Старой Полтавки, в Квасниковке. У пруда, который так и назывался Чернышевский, у Чернышова был большой сад.

Голод 1921 года собрал свою жатву и у нас в районе. На сходе жителей села Старая Полтавка богатею Чернышову П. И. было предложено отдать голодающим припрятанный хлеб и ценности на закупку зерна. Чернышов отказался категорически выполнять требования схода.

Разъяренные жители тут же потребовали выселить Чернышова П. И. из Старой Полтавки. В 1922 году после окончания гражданской войны Чернышов собственноручно сжег свой сад, чтобы не достался Советской власти. Его сын Михаил был великим картежником и пьяницей.

Подвергнутый остракизму сельский богач Чернышов вместе с сыном исчезли навсегда. Никто из знавших его людей нигде и никогда больше не встречал Чернышова.

Библиотекарши были выпускницами школы, все замужние, имели детей, и сейчас, за большим полированным столом с ксерокопиями архивных документов Саша видела людей, которым так же была небезразлична история края, и ко-

тых по-детски взволновали поиски подземного хода и возможного клада.

– Так, девочки, – Саша вздохнула, – будем рассуждать. Если все в селе знали о богатстве кулака Чернышова, то, наверное, к нему приходили с обысками не один раз, но ничего не нашли в его доме, —

Саша насмотрелась в жизни приключенческих фильмов, но воспоминания о своих детских приключениях теперь, после возвращения Жени, казались такими далекими и милыми.

И, может быть, именно желание убедиться в беспочвенности детских фантазий, заинтересованность слушательниц заставили ее продолжить анализ:

– Значит, Чернышов должен был найти место и людей, которым он доверял. Если он знал, что существует подземный ход, то он мог спрятать свои деньги именно там.

По воспоминаниям старожилов во время гражданской войны священник вывез свою семью в Саратов, и сам не вернулся. Его дом оставался только под присмотром прислуги, и, можно допустить, что в один из вечеров или ночью Чернышов мог спокойно спрятать свои сбережения в потайном ходе или просто закопать в подвале без ведома батюшки.

– Давайте осмотрим подвал! – милая светленькая Катюша покраснелась.

– Нет, девочки, – сказала Саша, я вам уже говорила, что мы с девчонками десять лет назад ничего не нашли. Нам

нужно позвать сильного мужчину, чтобы он попытался открыть деревянную дверь в полу.

– Я скажу своему брату, чтобы он взял лом. И еще у него есть металлоискатель. Он весь отпуск провел в Салтовском лесу, там, где когда-то было село Шмыглино – родина прадеда. Там Миша железа накопал старинного и отдал в школьный музей.

Решили дело не откладывать. Через два дня, после дежурства Миша пришел с необходимыми инструментами. Девчата пришли специально в брюках, но заведующая в длинной юбке спустилась первой. Доски с десятисантиметровыми коваными гвоздями от пола Миша оторвал с большим трудом. И это, действительно, была тщательно забитая дверь, которая вела еще в одно подвальное помещение. Стены его также были обложены красным кирпичом, но, судя по размерам, оно тоже не выходило за пределы кирпичного фундамента дома.

– Может быть, в нем летом хранили лед, вырубленный ранней весной в реке? Чтобы хранить скоропортящиеся продукты, – предложила Лариса, рассудительная брюнетка.

Саша поняла, что никакого хода из библиотеки под землей не было. Миша включил свой аппарат в верхнем подвале. Никаких сигналов не было. Но когда он залез в нижний, сразу поступил сигнал на наличие металла. Принесли железную лопату, и пришлось молодому человеку стать еще и землекопом.

Через десять минут на глубине где-то тридцать сантиметров он обнаружил увесистый сверток. В плотную ткань были завернуты хорошо сохранившиеся царские бумажные деньги, еще пачки каких-то денежных знаков, а в полотняном мешочке лежали золотые денежные деньги.

Все были взволнованы. О находке решили никому ничего не говорить, чтобы не вызвать в селе ненужные разговоры. В кабинете заведующей написали заявление о находке, все присутствующие добросовестно расписались, чтобы не было потом подозрений в хищении государственной собственности.

Рано утром заведующая с мужем отвезли находку и заявление в Палласовку, в Сбербанк. Там их поблагодарили и пообещали вознаграждение.

Но все равно было интересно, почему богач Чернышов не выкопал свои сбережения. Предположения высказывались самые невероятные. Согласились, что ему просто помешали, например, разместившийся на постой в пустующем здании отряд красноармейцев.

Саша была рада удачному завершению поиска, хотя в душе осталось сожаление от столь банальной концовки детской мечты.

Вечером позвонил Женя, сказал, что он сейчас в Германии. Саша, волнуясь, быстро описала одиссею с поиском и находкой клада. Женя поздравил с удачей, но главное Саша ему так и не сказала.

Глава 17. Вера

«Не бойся врагов – в худшем случае они могут тебя убить.

Не бойся друзей – в худшем случае они могут тебя предать.

Бойся равнодушных – они не убивают и не предают,

но только с их молчаливого согласия существуют

на земле предательство и убийство».

Бруно Ясенский

«Видеть несправедливость и молчать — это значит, самому участвовать в ней»

Жан Жак Руссо

Женя появился поздно ночью. Открыл в темноте ворота, загнал машину во двор и тихонечко постучал в крайнее окно спальни. На испуганный вопрос: – Кто там? – ответил, улыбаясь: – Не ждала? – и стал целовать жадно, ненасытно, прижимая к себе теплое доверчивое тело:

– Ванну, если можно, и спать! Ужинать не буду, перекусил в Саратове. Очень устал от этих бесконечных дорог. У меня отличные новости. Но все завтра. Завтра я исполню любые твои пожелания. А сейчас спать. С тобой, – он многозначительно улыбнулся и притянул Сашу к себе на колени:

– Ты меня еще ждешь?

– А ты, как ревнивый муж, без предупреждения являешься из командировки в полночь, чтобы застать неверную женщину в объятиях другого? Признавайся! Ведь думал так, собственник? – она попыталась освободиться от объятий, но Женя, помолчав, еще крепче обнял за плечи:

– Я уже начал забывать запах твоих волос, твои плечи, грудь. Мужчину нельзя отпускать от себя надолго. Его надо держать, как любимого коня, всегда рядом, на коротком поводке. А ты, Сашенька, такая доверчивая.

– Захочешь убежать, – никакой поводок не удержит. Торопись, а то вода остынет, и приходи скорее.

Она дождалась Жениного возвращения, укрылась в его объятиях от всех невзгод и суеты, окунулась в такой привычный уже запах туалетной воды.

Боязнь больше не увидеть его после длительной разлуки, не слышать бешеного ритма его сердца, когда он полностью в твоей власти, а ты в его обжигающих объятиях таешь в неземной неге, – все эти противные мысли ушли вглубь сознания. И она снова чувствовала себя юной девчонкой, которую помнят, любят и желают.

Утром мелькнула шальная мысль:

– А ну их, все эти уроки! Позвоню завучу, что заболела, и все – свобода, – но потом пристыдила мысленно себя, – последние уроки перед каникулами, некоторые захотят оценки исправить, а учительницы – нет.

– Саша, что у тебя срочно нужно сделать по хозяйству, –

ты скажи. У меня сегодня выходной.

Погода явно портилась. По прогнозам синоптиков ожидалось резкое понижение температуры, ветер, снег на неделе. Но задержавшееся бабье лето заставляло надеяться в душе, что еще не скоро будет похолодание.

У Саши в огороде было много работы, но она промолчала: – Пусть просто отдохнет.

Но когда она в обед вернулась из школы, то ахнула: В огороде и в саду был такой порядок, какой бывает только весной, когда все посажено, но еще не взошло.

Огород был вскопан, свекла и морковь сложены в картонные коробки и пересыпаны сухим песком, виноград обрезан и прикрыт старой пленкой и досками, а за двором высилась куча сухой травы, ботвы, обломков кирпича и шифера.

– Порядок! Сейчас ребята тележку подгонят и весь мусор вывезут. Когда ты все успеваешь?

– Хозяйственный немец, который, если начал дело, то обязательно доведет его до конца, – подумала Саша, – А где ты песок взял?

– Увидел большую кучу у соседей, спросил у женщины два ведра, – он ловко срезал лопатой нарядные, словно в бальных платьях, вилки капусты и носил их в гараж.

Саша внезапно поняла, что Женя никогда не останется здесь, в деревне. Чтобы жить вот так, в привычном ритме сельскохозяйственных работ и радоваться двум ведрам моркови, мешкам с картошкой, которые за бесценок можно осе-

нью купить на базаре. И горбатиться всю весну и лето с тяпкой на грядках, уничтожая сорняки. Ему не надо приучаться к вечной экономии, существованию от зарплаты до зарплаты, к возможности сделать крупную покупку, только, благодаря кредиту в банке с огромными процентами.

– Сказать ему про малыша или пока промолчать? – эта мысль мучила все утро.

«Любить – это значит, смотреть не друг на друга, а смотреть вместе в одном направлении», – эти слова Антуана Сент-Экзюпери, словно напомнили, что молчание сродни предательству, причем, любимого человека.

– Пора обедать, – Саша поставила на плиту разогревать кастрюли с супом и гуляшом и от аппетитных запахов острее почувствовала, что проголодалась.

Сидя на диванчике, опираясь локтями на стол, Женя смотрел, как Саша моет посуду, и вдруг начал говорить, сначала спокойно, потом взволнованно, хрипловатым голосом, как будто стесняясь, что так долго молчал:

– Я прошелся сегодня по селу, был на месте того колодца – никаких следов. Ухоженный парк, новый современный кинотеатр, благоустроенная площадь, много деревьев, цветников. Стало чище, уютнее. Целый поселок новых добротных и дорогих домов у реки, где гуси паслись, где был наш шалаш.

А у меня в жизни все было по инерции. Два года изучал языки – немецкий, английский, испанский.

Отец открыл сначала маленькую автомастерскую, – стал работать автослесарем. Все время работа ради денег. Купили двухэтажный дом – открыли гостиницу. В ней работали мои сестры и мама, без выходных, весь день. Деньги! Деньги! Все разговоры – только о деньгах.

Познакомился на вечеринке с сестрой друга, понравилась. Родители – женись! И тут я поставил отцу условие: посмотрю Европу – тогда женюсь! Я же был единственный наследник, папочкин сын. Мы с отцом объехали на машине Францию, Италию, Испанию. И я женился – по инерции.

У нас дома все говорили по-русски, редко – на немецком, а моя жена ни слова не знала и не хотела учить русские слова.

Через год родилась дочь. Нам дали квартиру. И пошло – нужна новая мебель, пора сменить машину. Даже слушать не желала о России. Все разговоры только об Израиле – там лучше. Из-за непонятной ревности выбросила все фотографии и кассеты, – Женя замолчал, вспоминая, потом продолжил:

– Я понял внезапно, что эта жизнь – не моя. Уехал в Берлин, поступил в коммерческий колледж, работал по вечерам в автосервисе. С женой расстался. Отец продал гостиницу, отдал моей бывшей жене половину денег. Вскоре она вышла замуж и увезла мою дочь в Израиль.

А родители купили маленький домик, так же, как ты, сажали цветы, грядочки моркови, помидор, зелени, хотя рядом был супермаркет

Саша молчала, боясь даже невольным движением руки спугнуть его откровенность. Сказанное копилось в его душе давно. Если бы Женя выпивал, то, возможно, эта сокровенная боль вылилась бы в дружеских беседах за кружкой пива, рюмкой водки или вина.

– Как перед разлукой, – вдруг подумала Саша и спросила тихо:

– А родители?

– Ты видела мою мать? Тогда, давно?

Саша видела ее всего один раз в жизни, в апреле, на весенних каникулах, после того злополучного заседания комитета комсомола.

Тогда всех комитетчиков собрали срочно. Слушались персональные дела четырех комсомольцев. Первыми зашли два десятиклассника из Верхнего Еруслана. Ничего не говоря, положили перед секретарем комсомольской организации, рослой девушкой в строгом черном костюме с комсомольским значком на лацкане пиджачка, комсомольские билеты.

– Вы уезжаете в Германию на постоянное местожительство, поэтому мы должны исключить вас из рядов комсомола, – девушка встала из-за стола. Комитетчики переглянулись, а парни согласно кивнули на вопрос: – Вам все ясно? – и вышли, ничуть не расстроившись.

Потом зашла Эмма, высокая стройная девушка в школьном форменном платье с кружевным белым фартучком. Са-

ша знала, – это сестра Жени.

Старшекласников из соседнего села возил на занятия и увозил специальный автобус, но в хорошую погоду они иногда выходили из школы небольшой шумной группой и шли пешком мимо больницы, вдоль реки, через лес.

– Может быть, ты останешься в России? Пусть родители уезжают, а ты останешься гражданкой России и комсомолкой. Подумай хорошо. Зачем тебе Германия? – после этих слов Эмма, положив комсомольский билет на край стола, громко зарыдала, закрыв лицо кружевным передником

– Все ясно. Можешь идти! – секретарь положила билеты в раскрытую папку, – Зовите Петрова по поводу драки в Доме культуры.

– А ты, – она кивнула Саше, – отнеси воду Эмме. Жалко девчонку.

Саша, схватив стакан с водой, выскочила из комнаты комитета комсомола.

Худенькая высокая женщина с короткой стрижкой светлых волос обнимала горько плачущую дочь, гладила по волосам, плечам, спине, уговаривая:

– Ничего, доченька, потерпи. Все будет хорошо, и все твои обиды забудутся. Они же еще дети. Там, – она махнула в сторону комитета, – такие же несмышленыши, как ты, как Женечка. Пошли, нас там папа на машине ждет, – поблагодарив, она взяла стакан, напоила дочь, отпила несколько глотков, внимательно посмотрела на Сашу и, видимо, узнала по фо-

тографиям, которые Женька делал дома, в бане, плотно занавесив темной шторкой единственное окошко.

Потом мама с дочерью ушли, и Саша вдруг с ужасом представила себя на месте Эммы:

– Отказаться от родителей! С ума сошли, что ли? – тогда, после поры она ужасно разозлилась на себя, – ведь отмолчалась, как все, глядя в пол. Точно – бойтесь равнодушных!

Сейчас Саша расстроилась от этих воспоминаний, сердце заторопилось, к горлу подкатила тошнота. Она глотнула остывшего чая, глубоко вздохнула.

Женя продолжил:

– Мои родители умерли недавно, один за другим. Мама – от заболевания крови, отец – от инфаркта. Не помогла хваленая немецкая медицина, – Женя подошел к окну, долго молчал, глядя в сад. – Они умерли от тоски по Родине. Теперь я их понимаю.

Отец с матерью родились на Алтае, там прошла большая часть их жизни, когда они постоянно слышали от своих родителей рассказы о Неповолжье, о земле обетованной, о прелестях довоенной жизни

И мои родители переехали сюда, на Волгу после смерти бабушки и дедушки. Но здесь все было чужим. И они подхватились и помчались дальше, в Германию, в Европу. Уезжали с радостью и надеждой.

Отец хотел спасти меня – единственного сына – от службы в армии. Дочерям хотел достатка и европейского благополу-

чия. Он этого достиг. Но потом они постепенно гасли у меня на глазах. И я так и не прижился там, в Германии. Был всегда чужаком – русским немцем.

Женя расхаживал перед Сашей по ковру, останавливался у окна и опять ходил, как заведенный.

– Когда в 2001 году мы приехали вдвоем с отцом на Алтай, он держался всю долгую дорогу, а потом в деревне, где они жили, он зарыдал, как ребенок. Я впервые увидел своего отца плачущим, еле-еле успокоил.

– Я вернулся домой. Понимаешь, Сашенька!

Саша оцепенела, сидела и слушала грустную исповедь взрослого человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.